

№ 27

НОЯБРЬ 1957 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 6-й

ВОЕННАЯ ГАЗЕТА

LE PASSE MILITAIRE

**ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ**

Общество Любителей Русской Военной Старины и Обще-Кадетское Объединение извещают что, в воскресенье, 1 декабря 1957 года, в 14 часов, в зале Русской Консерватории состоится Панихида и Торжественное Собрание, посвященное памяти 75-летия кончины

ГЕНЕРАЛА

Михаила Дмитриевича СКОБЕЛЕВА

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Шестого ноября — Борис Арский	1
На Черном море перед началом Крымской войны — Кап. 1 ран- га Б. П. Казмичев	2
Кульневские торжества в 1932 году — К. Лейман	8
Лейб-Казачи (к Полковому празднику) — Иван Сагацкий	10
От Батума к Трапезунду — Георгий Аустрин	11
Из Польши на Украину с III-ей армией генерала Врангеля — Е. Ковалев	14
Ноябрьские бои за Высокую Гору под Порт-Артуром — Н. Н. Р.	17
Кавказский Конно-Горный Дивизион — А. фон-Корвин-Вирз- бицкий	20
Отрывок из книги «ШЕСТЬ ЛЕТ ВОЙНЫ» (1914-1920) — Р. П.	23
Иностранные части в Русской армии — Анатолий Марков	24
«Армянский генерал» (к воспоминаниям полковника Фурмана) — С. Мжр	25
Хроника «Военной Были»	27
Почтовый ящик	III

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и колониях — 1100 фр. с пере-
сылкой, в Германии — 12 марок, в Англии и Австралии цена отд. № 5 шил. год. подписка — 25 шил.,
в Сев. Ам. С. Шт. и Канаде цена отд. № — 80 ц. год. подписка — 4 дол. 50 ц.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редак-
ции: 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16e). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 2881 - 89 Париж,
A. Guering.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16°). MIR. 72-55

6-й год издания

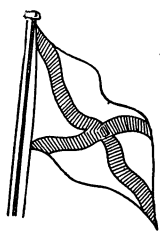
№ 27 НОЯБРЬ 1957 Г.

Bimestriel. Prix — 200 fr.

„6 НОЯБРЯ“

КАРТИНКА ИЗ ЖИЗНИ ВОСПИТАННИКОВ МОРСКОГО КОРПУСА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

В 1911 ГОДУ

Не столь важна юбилейная дата (45 лет) нашего выпуска из Морского Корпуса (1911 г.), сколь радостно воспоминание о Корпусе, с сожалением о быстро ушедших днях нашей беспечной молодости и нашей светлой мечты до конца своей жизни послужить на Славном Императорском Российском Флоте.

Невольно, перед мысленным взором, встают милые лица дорогих однокашников: проказников кадет, лихих гордешков, сердцегрызов-мичманов, важных, гордых лейтенантов и т. д., по иерархической лестнице, вплоть до престарелых, убеленных сединой, маститых адмиралов.

Всех нас связала „воедино“, по духу и мыслям, все та же жесткая, деревянная и совсем простая „школьная семья“.

В том далеком чудесном прошлом, когда на паркетной столовой и наших ротных зал Морского Корпуса, мы все безмолвно держали равнение по правофланговому и чувствовали всем телом и сердцем прикосновение локтем рядом стоящего во фронте, в эти дни и годы и была заложена наша „неразрывная товарищеская связь“. Не эта ли самая лучшая и глубокоиспытанная форма военного воспитания дала нам в прошлом неисчислимые примеры офицерской доблести и самопожертвования?

Для наших братьев, кадет сухопутных корпусов, может быть неизвестна часто упоминаемая дата 6-го ноября, праздника Морского Корпуса.

Так обратимся к краткой исторической справке: основание Морского Корпуса исходит из „Школы Математических и Навигацких Наук“, созданной Петром Великим в 1701 году в Москве, в Сухаревой башне, и после ряда преобразований и перемен, наименований, в 1752 Морская Академия стала Морским Шляхетским Кадетским Корпусом в Санкт-Петербурге, в доме, бывшем Миниха, на Васильевском острове, на углу Б. Невы и 11 линии, и тогда было решено построить церковь при корпусе, но осуществилось это только 16 марта 1797 года. Церковь была построена во имя Святого Павла Исповедника, коего память

празднуется 6-го ноября, в день восшествия на престол Императора Павла 1-го, 6 ноября 1796 года.

В тот же день, празднует свой полковой праздник лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк.

Император Павел I, еще будучи Цесаревичем, имел звание Августейшего Генерал-Адмирала Флота и флот он очень любил. Эта священная для моряков дата, 6 ноября, настолько глубоко врезалась в память каждого, что с поминанием ее мигом воскресает прелестная картина празднования этого дня. День этот был известен всему Старому Петербургу; особенно были счастливы петербургские милые девицы, которые очень ценили приглашение на Морской бал. Морской бал открывал сезон зимних балов Петербурга, столицы Императорской России. На этом балу бывало избранное общество и удостаивали его своим присутствием Августейшие Великие Князья, Генерал-Адмирал Алексей Александрович, Генерал-Инспектор Военно-Учебных заведений Константин Константинович и Адмирал Александр Михайлович, сыновья последнего были воспитанниками Морского Корпуса.

Помещение Корпуса, за несколько дней до 6-го ноября, преображалось руками выпускных гардемарин в сказочный мир подводного царства, в таинственные языческие храмы и чарующие зеленые зимние сады, с уютными гротами с прохладительными напитками, фруктами и сладостями.

Несмотря на громадное помещение бесколлонного Столового зала, где могли вместиться до 2.000 танцующих пар, еще танцевали в ротных залах, декорированных до неузнаваемости.

Кроме большого струнного оркестра Морского Корпуса, играли оркестр Лейб-Гвардии Финляндского полка (наши соседи по Васильевскому острову) и балалаечный оркестр Гвардейского Экипажа.

Все залы были битком набиты танцующими, медленно движущимися по течению.

Зал блистал золотом и серебром, разноцветных военных мундиров с выделяющимися среди них черными флотскими мундирами с золотым шитьем.

Дамы же расцвечивали красоту бала своими шикарными бальными туалетами, сшитыми специально к

Морскому балу и множеством драгоценных украшений и бриллиантов. Кругом все ярко блестело и шумело, под звуки бравурной музыки. Нам, дирижерам, приходилось надирать горло, передавая команды на французском языке, для выполнения замысловатых фигур вальса или мазурки.

Морской оркестр Столового зала находился на галерее и, несмотря на летнюю форму одежды, обливался потом.

Что же делалось в самом зале — трудно себе представить. Разгоряченная, волнующаяся масса танцующих с нетерпением ждала выезда колесницы, украшенной цветами, с восседающими на ней грозным Морским Королем Нептуном и, у его ног, прелестной Венерой, разбрасывавшей котильонные значки в публику.

Колесница въезжала в гущу танцующих, под охраной 2-х плотных шеренг гардемаринов, предохраняющих котильон от разграбления. Но котильонный бой разгорался и значки хватались, как победные трофеи, кавалерами для своих дам сердца.

Но вдруг раздаются волнующие звуки “Вальса цветов” Чайковского и снова дамы несутся в руках

своих победителей, в упоительных и сладостных мечтах о будущем счастье.

Не знаю, братцы, как другие,
Но я **ШЕСТОГО НОЯБРЯ**.
Как будто силою стихий
Несусь на вольные моря.
На безграничные просторы,
Где только небо и вода —
Туда стремятся мои взоры,
Где шаловливая волна.
.....
.....
И берега, в мечтах, я зрею,
Куда корабль мой спешит,
Так ясно вижу и лелею
Неву, одетую в гранит.
Там Петербург красой блистает,
Там корпус славный наш стоит,
ШЕСТОГО ПРАЗДНИК он справляет,
В нем бал и музыка гремит.
.....

Борис Арский

На Черном море перед началом Крымской войны

Больше ста лет тому назад, 18 ноября 1853 года, две соединенные эскадры Черноморского флота, каждая из трех парусных линейных кораблей, под общим командованием вице-адмирала Нахимова, при младшем флагмане контр-адмирале Новосильском уничтожили на Синопском рейде сильную турецкую эскадру, стоявшую у самого берега под защитой мощных береговых батарей. Этой победой Черноморский флот вписал блестящие страницы в свою историю, уже богатую многочисленными славными делами и геройскими подвигами отдельных судов; вместе с тем Синопская победа была лебединой песней Черноморского парусного флота.

Чтобы полнее и всестороннее оценить эту победу и вытекающие из нее следствия, необходимо вернуться к началу 1853 года и посмотреть, как в то время представлялись политические взаимоотношения великих держав на Среднем и Ближнем Востоке.

Положение России в Туркестане и на Кавказе укреплялось, и границы ее медленно, но неуклонно, продвигались к югу. Престиж России в Малой Азии и в Турции, после целого ряда победоносных войн, был очень высок и к тому же он все продолжал расти, и это, по разным причинам, но одинаково беспокоило и Англию, и Францию. Англия видела постепенное приближение русской границы к Индии, лучшему украшению английской короны, и начинала серьезно опасаться возможности русского вторжения в эту колонию; Франция обладала громадным коммерческим флотом, держала в своих руках почти всю морскую торговлю турецкого средиземноморского побережья и боялась, что всякое уменьшение турецкой террито-

рии сократит ее доходы от этой торговли; кроме того, император Наполеон III встречал большие затруднения внутри страны и надеялся, что, конечно, легкая и победоносная война против России будет популярна и отвлечет внимание французов от внутренних недоразумений. Таким образом Англия и Франция сходились на конечном выводе: во что бы то ни стало ослабить Россию. Обе державы принялись уговаривать Турцию объявить России войну, обещая туркам помощь деньгами и советами. Турки колебались, они слишком хорошо знали, что значит воевать против России, но тем не менее в споре, возникшем в Иерусалиме между православными и католиками по вопросу о святых местах, турки определенно и резко приняли сторону католиков.

Одновременно, вопреки подписанным договорам, они лишили Россию права покровительства православных в Турции, тогда как католики оставались под покровительством Франции, а протестанты Англии. В ответ на эту провокацию турок, русская армия, под начальством светлейшего князя Горчакова, заняла придунайские княжества Турции — Молдавию и Валахию, а для переговоров с турками и улаживания спорных вопросов в Константинополь был послан начальник главного морского штаба светлейший князь Меншиков, взявший с собой помощником начальника штаба Черноморского флота вице-адмирала Корнилова.

Переговоры были безуспешны и в мае Меншиков и Корнилов вернулись в Севастополь. В ожидании возможной войны с Турцией Меншиков был назначен главным начальником обороны Севастополя.

Турция не считала оккупацию Молдавии и Валахии за начало военных действий и была готова приступить к улаживанию всех спорных вопросов дипломатическим путем, но это совершенно не устраивало ни Англию, ни Францию, и чтобы, наконец, заставить Турцию объявить войну России, сильная соединенная англо-французская эскадра прошла Дарданеллы, нарушив этим статью русско-турецкого договора, стала на якорь перед Константинополем и гуркам уже совершенно официально было сказано, что союзники не допустят нападение России на Турцию. Средство подействовало и Турция 22 сентября 1853 года послала извещению князю Горчакову, что, если он в двухнедельный срок не уведет свои войска из Молдавии и Валахии, то Турция объявит войну России; но пушки заговорили раньше назначенного турками срока.

Адмирал Корнилов понимал неизбежность войны с Турцией и в сентябре подал князю Меншикову докладную записку о необходимости занять русскими десантами на европейском берегу Турции Сизополь, а на азиатском Синоп. Пункты эти были удобны для защиты их с сухого пути малыми отрядами и служили бы хорошими базами для русского флота. Опираясь на них, можно было бы совершенно прервать сообщение Константинополя с черноморским побережьем Турции. Возможно, что этот проект Корнилова стал известен союзникам, и в конце сентября командовавший английской эскадрой в Константинополе адмирал Дундас предупредил письмом князя Меншикова, что "английский флот будет защищать территорию Турции против всякого покушения русских высаживать на нее свои войска, как против всякого враждебного против нее действия русского флота".

В начале октября в Севастополе было получено известие, что сильная турецкая эскадра с десантом, запасом оружия и денег, готовится к выходу из Босфора и должна будет идти в Сухум, для поднятия восстания кавказских горцев против России. Поэтому 9 октября из Севастополя к Анатолийскому берегу была послана эскадра вице-адмирала Нахимова из 4 кораблей, 1 фрегата и 1 брига с заданием не допустить турецкую эскадру до Сухума и вместе с тем держаться оборонительной тактики, так как объявления войны еще не было.

Для крейсерства Меншиков дал Нахимову следующую инструкцию: "По сведениям из Константинополя турецкий флот получил приказ, при встрече в море, атаковать русские суда. Известие это не официальное, но может подвергнуть опасности внезапной атаки наши суда крейсерующие в море, а потому предписываю: Пароходу "Бессарабия" находиться в вашем отряде, Вашему Превосходительству распространить свое крейсерство к Анатолийскому берегу между мысом Керемпе и портом Амастра, чтобы быть на пути сообщения между Константинополем и Батумом. Можно подходить на вид берегов, но не атаковать их без приказа высшего начальства или открытия неприязненных действий со стороны турок. Все разбросанные по Черному морю от Кавказа до

Босфора суда должны быть стянуты к вашей эскадре".

Получив такую инструкцию, Нахимов предупредил своих командиров, что, так как Россия не объявила войны, то при встрече с турецкими судами первый выстрел должен быть сделан с их стороны, и только после того их уничтожить.

18 октября Корнилов с фрегатом "Коварна" послал Нахимову уведомление, что Меншиков разрешает атаковать турецкие суда, уничтожать военные и захватывать коммерческие. Не успела "Коварна" скрыться за горизонтом, как с корветом "Калипсо" Нахимову была послана отмена этого разрешения, так как было получено приказание Государя пока держаться оборонительного положения, несмотря на то, что на Дунае уже заговорили пушки: русская речная флотилия, поднимавшаяся по Дунаю, у селения Исаки была турками обстреляна и были убиты начальник флотилии капитан 2-го ранга Верпаховский и несколько матросов. Только 1-го ноября пароход "Бессарабия" доставил Нахимову, все время находившемуся с эскадрой в море, давно ожидаемый манифест Государя об объявлении войны Турции.

Одновременно с посылкой Нахимову манифеста об объявлении войны, Корнилов с четырьмя пароходами и эскадрой контр-адмирала Новосильского из 6 линейных кораблей вышел в море для поисков шедшей к кавказским берегам турецкой эскадры. Начавшийся с утра 1-го ноября шторм продолжался два дня, Корнилов, боявшийся, чтобы ночью шторм не разбросал его корабли, приказал с наступлением темноты через каждые полчаса пускать с флагманского корабля ракету, в ответ на которую остальные суда должны были жечь фальшфейера, и эта периодическая иллюминация позволила ему сохранить соединенно всю эскадру; суда не только не растерялись, но даже не имели и больших повреждений. Корнилов был уверен, что бушевавший шторм заставил турецкую эскадру укрыться в одном из портов; Анатолийское побережье было под наблюдением эскадры Нахимова, державшейся у мыса Керемпе, поэтому Корнилов со своей эскадрой пошел к Румелийскому берегу, к мысу Калиакрия и, как разведчика, послал вперед пароход "Владимир", для осмотра болгарских портов; Валчика, Варны и Сизополи.

Вопреки ожиданиям Корнилова, в этих портах турецкой эскадры не было, но 4 ноября задержали шедшую из Босфора купеческую шхуну, от командира которой узнали, что турецкий флот стоит в Босфоре и там же стоят 7 английских и 8 французских судов, между которыми есть паровые, и что 2 турецких фрегата и 2 корвета за день перед этим пошли на восток. Немного позже был опрошен шкипер валахского судна, который подтвердил сведения о французских и английских судах и прибавил, что турецкая эскадра из 6 фрегатов и корветов крейсерует около пролива, а за 5 дней перед этим 8 больших пароходов повезли войска в Трапезунд. В бургасском заливе от капитана, только что пришедшего туда австрийского парохода, узнали, что крейсеровавший в море

турецкий отряд, из 6 судов, снова вошел в Босфор. Таким образом рухнула надежда Корнилова на нахождение и захват турецкой эскадры.

Угля на "Владимире" оставалось мало и Корнилов решил на нем с пароходами вернуться в Севастополь, а бывшую с ним парусную эскадру Новосильского отправил к Нахимову, с приказанием сообщить Нахимову все полученные сведения, передав ему из своей эскадры 2 восьмидесяти пушечных корабля, а с остальными судами вернуться в Севастополь.

Определив точное количество угля на "Владимире", Корнилов решил задержаться в море еще на сутки, отпустив остальные пароходы в Севастополь. Зона между Амастро и Босфором была Меншиковым запрещена для русских кораблей, турецкой эскадры не было в западных портах, значит она или шла на восток, и тогда она встретится с эскадрой Нахимова, или же она укрывается в одном из портов запрещенной зоны, может быть в Пендераклии, говорил Корнилов, обсуждая этот вопрос с командиром "Владимира", капитан-лейтенантом Бутаковым, — "хорошо было бы осмотреть Пендераклию, но это запрещено". Из этого разговора Бутаков понял, что Корнилов не имеет права и не хочет приказывать идти к Пендераклии, но был бы доволен, если бы "Владимир" оказался в виду этого порта, и Бутаков, не предупреждая Корнилова, самостоятельно пошел к Пендераклии вместо того, чтобы, согласно приказанию Корнилова, идти к Амастро. На рассвете 5 ноября пришли на видимость Пендераклии и на горизонте, на северо-востоке, заметили, едва видимые в трубу, верхушки мачт шести судов и дым парохода. Считая, что "Владимир" находится у Амастро, Корнилов решил, что видимые верхушки мачт принадлежат эскадре Нахимова, которая как раз должна была держаться в этих местах, а пароход должен быть "Бессарабия", но в последнем, на всякий случай, Корнилов хотел убедиться, и "Владимир" пошел на сближение с неизвестным пароходом. О находившейся за горизонтом эскадре перестали думать, а это именно и была эскадра Османа-паши из 5 фрегатов и 1 корвета.

Через час с четвертью самого полного хода, наконец, приблизились к пароходу, но была ли это "Бессарабия" или турецкий пароход, все-таки решить не могли, неизвестный пароход тоже был в нерешительности. "Владимир" был без флага, и на всякий случай изменил курс к берегу, но когда на "Владимире" подняли опознавательный сигнал, пароход немедленно повернул на "Владимира" и поднял турецкий флаг: это был "Перваз-Бахри". Три часа продолжался упорный, жестокий бой и турки спустили флаг только после того, как командир, все офицеры, около трети команды были убиты и ранены. На "Владимире" был убит флаг-офицер Корнилова, лейтенант Железнов и 3 матроса, повреждения же турецкого парохода были так велики, что его потом, с большим трудом, довели до Севастополя. По окончании боя снова увидели на горизонте мачты двух, шедших под парусами, эскадр, сосчитали мачты и снова решили, что одна эскадра Нахимова, а более близко идущая к нему, эскадра

Новосильского, которую Корнилов приказал догнать, чтобы с нею переслать Нахимову сведения, полученные от опроса взятых на пароходе пленных. Вторым раз случай сыграл злую шутку с Корниловым: эскадра, к которой "Владимир" подошел, была, действительно, эскадра Новосильского, но вторая эскадра была не Нахимова, а того же Османа-паши, и вторично она была упущена.

К этому времени Нахимов сам уже имел некоторые сведения о противнике, так как 4 ноября пароход "Бессарабия", посланный им вдоль Анатолийского берега, для осмотра и опроса коммерческих судов, захватил в плен без единого выстрела турецкий транспортный пароход и привел к эскадре. Из опроса команды узнали, что в Синопе стоят 2 турецких фрегата, корвет и транспорт.

Новосильский, отделившись от пароходов Корнилова, хорошим ходом пошел на присоединение к Нахимову, с которым рассчитывал встретиться часа через два, но время проходило, а эскадры Нахимова все не было и только ночью произошла ожидаемая встреча. Утром Новосильский сообщил Нахимову имевшиеся у него сведения о противнике, передал из своей эскадры 2, предназначенные для Нахимова, корабля и, захватив с собой 2 наиболее пострадавших от штормов судна эскадры Нахимова и захваченный турецкий транспорт, ушел с ними в Севастополь.

Ночью с 8 на 9 ноября произошел может быть единственный в мировой истории парусных флотов случай. Фрегат "Флора", под командой капитан-лейтенанта Скоробогатова, находился у Кавказского берега около Гагр; был полный штиль и фрегат, лишенный возможности двигаться, беспомощно качался на мертвой зыби. Около 2 часов ночи на фрегате заметили на носу, в расстоянии около 10 кабельтов, силуэты трех пароходов и подняли опознавательные огни. Не отвечая на огни, пароходы продолжали молча приближаться к фрегату, на котором пробили боевую тревогу и приготовились к бою. Пароходы были турецкие и находились под командой вице-адмирала Муштавера-паши (капитана английского флота, Следа, поступившего на турецкую службу). Завязался неравный бой неподвижного фрегата с тремя противниками, соединенная сила которых почти втрое превосходила силу "Флоры", не считая преимуществ в возможности маневрирования. В течении ночи пароходы 8 раз атаковывали "Флору", но не могли выдерживать больше 20 минут меткий ответный огонь фрегата и каждый раз должны были отходить за предел дальности выстрелов "Флоры" для починки полученных повреждений. С рассветом турки четвертый раз атаковали "Флору", и так же безуспешно, но на этот раз их повреждения были так велики, что они прекратили бой и ушли окончательно. На "Флоре" ни убитых, ни раненых не было.

Нахимов, разобравшись во всех полученных им сведениях, пришел к выводу, что эскадра Османа-паши непременно должна придти в Синоп и решил со своей эскадрой перейти ко входу на Синопский рейд, а у Амастро оставить для наблюдения фрегат "Ка-

гул". В 6 часов вечера, при легком северо-восточном ветре, эскадра направилась к Синопу. К утру ветер засвежел и к полудню перешел в жесточайший шторм с дождем и снегом, рвавший обледенелые паруса и валявший корабли так, что они ноками рей почти казались воды, и по обледенелым палубам трудно было ходить. Три корабля получили такие повреждения в рангоуте, что не могли нести все паруса, пароход "Бессарабия" выглядел так, точно выдержал жестокий бой с упорным противником; кроме того, его запас угля подходил к концу. С такой пострадавшей эскадрой нельзя было и думать о бое с сильным противником, поэтому Нахимов отправил все пострадавшие корабли в Севастополь, с просьбой прислать ему другие корабли, способные вести неизбежный и близкий теперь бой с турками.

Оставшийся у Амастро фрегат "Кагул" имел ночь с 6 на 7 ноября с сильным дождем и шквалистым ветром, было совершенно невозможно видеть что-либо сквозь завеску падавшего дождя, к тому же все внимание экипажа было направлено на борьбу с начинающимся штормом, и именно в эту ночь, незамеченная "Кагулом", вошла в Амастро, укрываясь от шторма, эскадра Османа-паши: 5 фрегатов, 1 шлюп и 2 транспорта с десантом. Весь день седьмого, завеса дождя скрывала рейд Амастро, восьмого днем погода успокоилась и едва экипаж "Кагула" приготовился немного отдохнуть после долгой и упорной борьбы со штормом, как из Амастро вышла вся эскадра Османа-паши в полном составе и увидев одинокий русский фрегат, решила его захватить. О принятии боя нельзя было и думать: слишком подавляющее было неравенство сил, но "Кагул" был хорошим ходоком и в этом был шанс на его спасение; поставили все паруса, и, пользуясь благоприятным юго-западным ветром, взяли курс на Севастополь. Часть турецких судов отстала сразу, но 4 фрегата продолжали преследовать "Кагула" и только подойдя на видимость Крымского берега, Осман-паша прекратил безуспешную погоню и вернулся собирать свои оставшие суда, с которыми и направился в Синоп, удачно разминувшись в море с шедшей в Севастополь эскадрой Новосильского, благополучно выдержавшей шторм в море. Наступивший полный штиль временно остановил обе эскадры в расстоянии 50 миль одна от другой, после чего Осман-паша, разойдясь с эскадрой Нахимова, незамеченным пришел в Синоп.

11-го ноября Нахимов с 8 кораблями и бригам "Эней" также подошел к Синопу и с удивлением, вместо ожидаемых 2 фрегатов, увидел всю турецкую эскадру, состоящую теперь из 7 фрегатов, 3 корветов, 2 транспортов и 2 пароходов, стоящую вплотную к берегу, под защитой шести сильных береговых батарей.

Нахимов на "Императрице Марии" подошел к самому входу в бухту, внимательно рассмотрел расположение судов и батарей, и срочно отправил на бриге "Эней" письмо командиру Севастопольского порта вице-адмиралу Станюковичу, с просьбой немедленно вернуть ему бывшие в починке в Севастополе кораб-

ли его эскадры, крайне ему необходимые в виду предстоящего боя с сильным противником. По пути "Эней" должен был найти фрегат "Кагул" и передать ему приказ идти на присоединение к эскадре. Целый день потратил "Эней" на тщетные поиски "Кагула", не нашел его и пошел в Севастополь, а в это время "Кагул" сам уже шел от Крымского берега к Синопу.

В Севастополь "Эней" пришел 16 ноября и в тот же день к Нахимову пришло сильное подкрепление в виде эскадры Новосильского из 3 линейных кораблей, с ними же пришел и фрегат "Кагул", а на следующий день утром пришел и второй фрегат "Кулевчи". Это подкрепление было послано Нахимову сейчас же, как только в Севастополе узнали от пришедших для починки кораблей, что след турецкой эскадры найден.

Получив необходимое ему подкрепление, Нахимов считал себя уже достаточно сильным и решил атаковать турок возможно скорее. Больше месяца его эскадра болталась в море, выдержала шторм, искала противника, ждала его, наконец, он найден и нельзя было позволить ему выскочить из ловушки, пользуясь почной темнотой и погодой. 17 ноября Нахимов собрал у себя совещание флагманов и капитанов, на котором был разработан план предстоящего сражения, распределены по кораблям суда противника и намечена тактика боя. Положение Нахимова было трудное: с эскадрой Новосильского ему было доставлено повеление Государя: 1. Турецкие приморские города не атаковать, 2. Турецкий флот стараться истребить, если он вышел в море, 3. Стараться отрезать сообщение между Батумом и Константинополем, а с другой стороны война была объявлена официально, противник был перед ним и упустить его было невозможно. Атака была предположена на следующий день.

Ночь на 18 ноября была бурная, с сильным шквалистым восточным ветром и частым, холодным дождем; все небо было затянуто тяжелыми свинцовыми тучами и только в 9 часов утра стало, наконец, достаточно светло и эскадра, по сигналу адмирала, спустила гребные суда, имея погруженными на баркасы на всякий случай кбелтов и верп. В половине десятого на "Императрице Марии" был поднят сигнал: "Готовиться к бою, идти на Синопский рейд", на судах отслужили молебен, и с попутным ветром, хорошим ходом, пошли на неприятеля, перестроившись на ходу в две кильватерные колонны. Правую, наветренную, колонну составляли корабли: "Императрица Мария", 84 пушки, флаг вице-адмирала Нахимова, командир капитан 2-го ранга Барановский; "Великий князь Константин", 120 пушек, капитан 2-го ранга Ергомышев; "Чесма", 84 пушки, капитан 2-го ранга Микрюков. Левая, подветренная, колонна состояла из кораблей: "Париж", 120 пушек, флаг контр-адмирала Новосильского, капитан 1-го ранга Истомин; "Три Святителя", 120 пушек, капитан 1-го ранга Кутров; "Ростислав", 84 пушки, капитан 1-го ранга Кузнецов. Фрегаты: "Кагул", 44 пушки, капитан-лейтенант Спичин, и "Кулевчи", 52 пушки, капитан-лейтенант

Нудищев, были оставлены под парусами перед входом в Синопскую бухту для перехватывания судов противника, если они попытаются выйти в море.

В 11 часов, по сигналу адмирала, команде дали обедать; в 12 часов на "Императрице Марии" был поднят обычный сигнал: "Адмирал показывает полдень", служивший для согласования часов на судах эскадры, еще полчаса шли в мертвом, напряженном молчании. Мимо первой и второй береговой батареи прошли вне дальности их выстрелов, имея курс на середину неприятельского расположения. В половине первого с флагманского турецкого фрегата раздался первый выстрел и сейчас же со всех турецких судов и береговых батарей был открыт беглый огонь по приближающимся русским судам, которые были засыпаны градом ядер, картечи и книпелей (особых снарядов, предназначенных для перебивания рангоута и такелажа). Особенно губителен был продольный огонь пятой батареи и фрегатов, находившихся в центре неприятельского расположения. Не отвечая на огонь турок, русские корабли подходили на дистанцию около двух с половиной кабельтов, становились на шпринг и сразу открывали беглый огонь из своих тяжелых бомбических орудий по заранее предназначенным для них противникам.

Корабль "Императрица Мария" стал на шпринг против находившегося в центре неприятельского расположения флагманского фрегата Османа-паши и немедленно открыл по нему беглый огонь из всех орудий борта. Не выдержав и получасового огня "Императрицы Марии", фрегат отклепал якорный канат, прекратил огонь и не спуская флага пошел на правый фланг своего расположения и выбросился на берег у шестой батареи. Покончив с главным противником "Императрица Мария" сосредоточила свой огонь на его соседнем фрегате, который, загоревшись, так же отклепал якорный канат и выбросился на берег у самого города, после чего "Императрица Мария" перенесла свой огонь на центральную пятую батарею.

Корабль "Великий князь Константин", ставший на шпринг правее "Императрицы Марии", открыл беглый огонь по четвертой батарее и по двум фрегатам, из которых один взорвался через 20 минут после начала боя, обсыпав своими обломками четвертую батарею и этим заставил ее временно прекратить стрельбу, что дало возможность "Великому князю Константину" сосредоточить всю силу своего огня на оставшихся фрегате и корвете. Через 10 минут удачным выстрелом у фрегата был перебит якорный канат и его ветром выбросило на остатки мола у греческого квартала города, вскоре затем корвет также выбросился на берег у пятой батареи, после чего на "Великом князе Константине" был пробит "отбой".

Корабль "Чесма", помогавший "Великому князю Константину" обстреливать фрегаты, по уничтожении последних, сосредоточил свой огонь на третьей и четвертой батареях и через несколько минут обстрела уничтожил последнюю совершенно.

Флагманский корабль контр-адмирала Новосиль-

ского "Париж" по постановке на шпринг рядом с "Императрицей Марией" открыл беглый огонь чрезвычайной силы по пятой батарее и находившимся рядом с ней фрегате и корвете, через полчаса корвет взорвался, а фрегат выбросился на берег.

Проводив несколькими продольными залпами дрейфовавший мимо него флагманский фрегат Османа-паши, "Париж" сосредоточил свой огонь на следующем фрегате и сбил у него фок и бизань-мачты, после чего фрегат сдрейфовал к берегу и загорелся. Покончив с фрегатами, "Париж" весь свой огонь сосредоточил на пятой батарее, наиболее сильной и опасной. Все действия корабля "Париж", как при постановке на шпринг, так и во время боя, были настолько точны, быстры и блестящи, что Нахимов, знавший, как высоко ценят на эскадре его похвалу, хотел тут же, во время боя, поднять "Парижу" сигнал: "Адмирал изъявляет свое удовольствие", но, к сожалению, это оказалось невозможным, так как на "Императрице Марии" все сигнальные флаги были перебиты.

Корабль "Три Святителя" вступил в бой с двумя фрегатами; один из первых неприятельских выстрелов перебил у него перлин шпринга, корабль развернулся по ветру и попал под продольный огонь шестой батареи, сильно повредивший рангоут корабля. Для завода верпа на полубаркас был послан мичман Варницкий, полубаркас был мгновенно разбит и мичман Варницкий был ранен цепкой в щеку, но, несмотря на рану, он со всеми людьми перескочил на баркас и благополучно выполнил поручение. Выправив свое положение "Три Святителя" возобновил прерванный бой с двумя фрегатами и принудил одного из них выброситься на берег.

Корабль "Ростислав", занявший место против правого фланга неприятельской линии, вступил в бой с шестой батареей и крайним фланговым корветом, который через час был принужден выброситься на берег. В это время выпущенная с шестой батареи граната попала в одно из средних орудий корабля, разорвала его, разбила палубу, бимсы, зажгла кокор заряда и обвес, закрывающий вход в пороховой погреб. Положение создалось исключительно опасное, так как тлеющие куски обвеса падали во вход погреба. Нерастерявшийся мичман Колокольников успел запереть двери кроит-камеры, приказал закрыть все люки и с оставшимися людьми потушил начавшийся пожар и все тлевшие куски обвеса. При этом были ранены и обожжены около 40 человек команды, виновная же батарея огнем "Ростислава" была приведена к молчанию.

Около часа дня, когда не было никакого сомнения в предстоящем полном уничтожении турецкой эскадры, пароход "Тайф", бывший под командой английского офицера и за 7 дней до этого участвовавший в атаке русского фрегата "Флора", снялся с якоря, вышел из линии боя и направился к выходу в море, где ему преградили путь дежурные фрегаты "Кагул" и "Кулевчи". Маневрируя, непрестанно меняя курсы и скорости, "Тайф" избежал боя с фрегатами и, обме-

появившись с ними несколькими выстрелами, пошел в Константинополь с извещением о печальном для турок исходе Синопского боя.

В Севастополе князь Меншиков, послав Нахимова в подкрепление эскадру Новосильского, не сомневался в победоносном исходе Синопского боя, вместе с тем, он также не сомневался, что в азарте боя Нахимов не остановится перед обстрелом города, а этого князь никоим образом не хотел, помня угрожающее письмо адмиралов союзной англо-французской эскадры в Константинополе.

Меншиков не любил Нахимова: неопрятно одетый, всегда в эполетах, в старой, мятой фуражке, сдвинутой на затылок, адмирал шокировал князя, элегантного, исключительно образованного, зло остроумного и сухого царедворца. Победителя у Синопа нужно будет представить к производству в полные адмиралы и тогда Нахимов станет самым старшим адмиралом Черноморского флота, а этого Меншиков совершенно не допускал, лавры победителя должны достаться Корнилову, элегантному, достаточно образованному, бывшему офицеру гвардейского экипажа, имевшему связи при дворе и лично известному Государю.

На беду, в момент отправки эскадры Новосильского Корнилов находился в Николаеве, где он ликвидировал накопившиеся в штабе флота текущие дела. Как только он вернулся в Севастополь, Меншиков приказал ему с эскадрой пароходов немедленно идти к Синопу, где принять главное командование над соединенными русскими эскадрами и не допустить обстрела приморских кварталов города. Корнилова немного покорило такое приказание князя, он возражал, но нерешительно, слабо: с одной стороны незаслуженная глубокая обида старому другу Нахимову, с другой стороны лавры победителя, производство и тогда уже, наверное, пост главного командира Черноморского флота, пост, о получении которого он дважды, без результатов хлопотал в Петербурге. В конце концов Корнилов согласился, получил подписанный Меншиковым приказ о своем назначении командующим соединенными эскадрами и с пароходами: — “Одесса”, “Крым”, и “Херсонес”, полным ходом пошел к Синопу. Подойдя к Синопскому мысу, увидев уходивший турецкий пароход “Таиф”, Корнилов приказал “Крым” и “Херсонесу” догнать и атаковать “Таифа”, но это не удалось, так как “Таиф” был значительно быстрее русских пароходов.

Около четырех часов дня пароходы подошли к Синопской бухте; к этому времени сражение было уже кончено, Корнилов с облегчением уничтожил имевшийся у него приказ Меншикова, как потерявший значение, и совершенно искренно поздравил Нахимова с блестящей победой. Бухта представляла чрезвычайно унылый вид: все суда противника были взорваны, или выброшены на берег, большинство из них горело. Дым пожаров и оставшийся дым замолкших пушек густой завесой покрывал Синопский рейд и из этой завесы иногда раздавались неожиданные выстрелы по русским судам. Думая, что это стреляют с

берега, Нахимов послал на берег офицера объявить властям, “что если еще хоть один выстрел будет сделан по эскадре, то завтра утром не узнают место, где был Синоп”. Парламентер не только не нашел властей, но даже ни одного турка не было в городе, все убежали в горы. Как потом выяснилось, команды турецких судов так спешили спастись на берег, что оставили на покидаемых и горящих судах заряженные пушки, которые по мере нагревания огнем пожара, выстреливали сами по себе. 3 фрегата, корвет и пароход, зажженные бросившей их командой взорвались, выбросившиеся на берег суда были в таком избитом состоянии, что огонь по ним был прекращен, хотя покинувшие их команды в панике забыли спустить флаги. Повсюду догорали остатки взорванных и сожженных судов, дымились пожары в припортовых кварталах города, покинутых бежавшими в панике жителями. Русские офицеры, посланные для осмотра еще затонувших судов, нашли на них только раненых и убитых, все оставшиеся целыми бежали на берег. На флагманском фрегате был взят в плен ограбленный и оставленный офицерами и командой раненый старик Осман-паша; пашли и взяли в плен еще командиров одного из фрегатов и одного корвета. По свозе раненых на берег, все остатки судов были сожжены. Стоявшие в глубине бухты мелкие суда все затонули от попавших в них снарядов.

В результате Синопского боя турки потеряли 7 фрегатов, 8 корветов, 2 транспорта, 1 пароход, большое количество мелких торговых судов и около 2.000 человек убитыми и ранеными. Русские не потеряли ни одного корабля, потерп же людьми были исключительно малы: убиты 1 офицер и 37 матросов, ранены и контужены 7 офицеров и 229 матросов; объясняется это тем, что турки стреляли главным образом по рангоуту и такелажу, чтобы лишить русские корабли возможности передвигаться, кроме того они ожидали, что по постановке на якоря команды будут посланы по реям крепить паруса, и тогда русские потери в людях были бы очень значительны. Нахимов предвидел эту возможность и, вместо крепления парусов, ограничился только взятием их на гитовы, подборанием, работа, производимая исключительно людьми на верхней палубе.

Повреждения, полученные русскими кораблями в корпусах, рангоуте и такелаже, были настолько значительны, что потребовалось 36 часов непрерывной работы команд, чтобы приготовить суда к предстоящему переходу в Севастополь. Сильнее всех пострадала “Императрица Мария” и ее повреждения были так велики (60 пробоин в корпус и повреждены все мачты), что Нахимов выпущен был на время перехода перенести свой флаг на корабль “Великий князь Константин”. К утру 20 ноября главнейшие повреждения были насколько возможно исправлены, и корабли направились в Севастополь. К этому моменту к эскадре присоединился четвертый пароход “Громопосец”, что позволило взять на буксир четыре наиболее пострадавших корабля. Только “Париж” и “Чесма” шли самостоятельно; фрегаты “Кагул” и “Кулевчи”

конвоировали наиболее поврежденную “Императрицу Марию”.

Переход предстоял чрезвычайно трудный, так как сделанные судовыми средствами исправления были слишком приблизительны. Особенно осложнилось положение, когда по выходе из-за Синопского мыса, эскадра встретила очень сильную зыбь от северо-востока и пароходы были вынуждены отдать буксиры, тем не менее переход был совершен благополучно, и днем 22 ноября, вся эскадра в полном составе стала на якорь на Севастопольском рейде.

По мнению знатоков морского дела, этот опасный

переход израненной эскадры по бурному осеннему морю, можно назвать второй Синопской победой адмирала Нахимова.

Опасения князя Меншикова оправдались полностью: в ответ на обстрел и разрушение приморских кварталов Синопа, Англия и Франция открыто выступили на защиту Турции и началась крайне тяжелая и неудачная для России Крымская война, кончившаяся гибелью всего Черноморского флота, осадой и взятием Севастополя и потерей права для России иметь своей военный флот на Черном море.

Капитан I ранга *Б. П. Казмичев*

КУЛЬНЕВСКИЕ ТОРЖЕСТВА В 1932 Г.

*“У этой могилы нам надо учиться,
как любить нашу Родину-Россию”.*

По Северо-Западной железной дороге, в сторону С.-Петербурга от города Режицы, находится небольшая станция Межвиды. В юбилейный 1912 год, по Высочайшему повелению она была переименована в Кульнево. От этой станции, в западном направлении, в 4 верстах находится имение Кульнево, принадлежавшее генералу Я. П. Кульневу, прах которого покоится в склепе под Кульневской церковью.

Как известно Генерал Кульнев был убит французским ядром в 1812 г. у деревни Клястицы, командуя Гродненским гусарским полком, который впоследствии был переименован в гусарский Клястицкий Генерала Кульнева полк. Первоначально, генерал Кульнев был похоронен у поля боя, недалеко от деревни Сивути или деревни Клястицы, но потом, по повелению Императора Николая I-го, прах Кульнева был перевезен в родное имение Кульнево и похоронен под кульневской церковью, сооруженной в александровском стиле во имя св. пророка Илии. В церкви с правой стороны в глубокой нише находится мраморная гробница над могилой генерала Кульнева, она обнесена чугунной оградой, столбики которой украшены позолоченными двуглавыми орлами. У изголовия гробницы на левом углу ядро, которое оборвало жизнь генерала. На верхней стороне, ясно вырезан герб рода Кульневых, ниже надпись: “Генерал-майор Я. П. Кульнев”. С восточной стороны, под толстым стеклом, портрет Я. П. Кульнева, написанный от руки. На полукруглой стене находилась большая витрина, за стеклом которой, на подушке голубого бархата, хранилась серебрянная лавровая ветка, обвитая георгиевской лентой с орденом св. Георгия и гусарским шнуром. Витрину окружали металлические венки. Над гробницей люстра-паникадило, сложенная из штыков и тесаков, вделанных в большое ядро-бомбу. У настоятеля хранилась книга “Генерал Кульнев”, где повествовалась боевая жизнь генерала.

Во время захвата большевиками Балтики в 1918 -

1919 г. г. Настоятель Кульневской церкви отец Николай, его родственники и некоторые прихожане унесли тайком из церкви витрину, портрет генерала, все венки и спрятали по хуторам, все это и уцелело.

Ворвавшись в церковь и увидя золотые двуглавыя орлы, большевики два орла сломали, но могилу не тронули. Уходя, сказали отцу Николаю, что еще лягутся, чтобы вскрыть могилу, но Господь не допустил до этого.

Настоятелем Кульневской церкви был много лет протоиерей о. Николай (фамилию не помню). Когда отец Николай, потеряв зрение, ушел на покой, настоятелем был назначен его зять священник о. Арсений Слесаренко, который не меньше своего тестя заботился о могиле. Эта забота передалась другим. Могила утопала в цветах, часто служили панихиды по болягине Якову, много горело свечей и лампад. В день храмового праздника 20 июня по ст. ст. на Кульневские торжества приезжал глава православной Церкви в Латвии владыка Иоанн. Из соседних приходов приезжали священники и тысяч до трех русских людей из ближайших деревень и хуторов, привозя роскошные венки.

Все сарай, пунь и столбы в имении и на хуторе у священника были заняты. Кому не хватало места зажигали костры на берегу реки и у костров коротали ночь. Духовенство находило приют в доме гостеприимного и хлебосольного кульневского священника.

Мы, русские скауты-разведчики и сокола, каждый год приходили походным порядком.

Постараюсь нарисовать картину Кульневских торжеств 1932 года. Рано утром 19 июня, мною был отправлен в Кульнево обоз из 2-х подвод походной кухни.

К 10 ч. утра 19 июня из Двинска к моей квартире приехали на велосипедах братья сокола и сестры сокольки. Отряд построился развернутым фронтом, имея на правом фланге оркестр из 16 скаутов-разведчиков. В две шеренги стали сокола и сокольки в парадной сокольской форме, а за соколами вытянулись в 2 шеренги скауты-разведчики, имея посохи у правой ноги. Всего в отряде было около 200 человек.

Приняв знамена и прочитав молитву, отряд под

моей командой и под бравурный марш выступил в Кульнево. Выйдя на Петербургское шоссе, я сделал привал. Оглянувшись, я был поражен: за отрядом следовали пешком, на бричках и повозках мамыши, папашки, тетюшки, сестры, братья, друзья и подружки соколов и скаутов.

На походе, когда не играл оркестр, неслась русская красивая и могучая песня. Пел не только отряд, пели все, кто шел и ехал за отрядом. Из хуторов и деревень выбегали к шоссе старики, старухи, дети. Глядя на нас, они крестились и плакали. “Бородино” и “Взвейтесь соколы орлами” разносились по полям и рощам, которые давно не слышали могучей русской песни.

Под “Староегерский” марш отряд, бодро и держа отчетливое равнение по взводам, прошел мимо имения Кульнево, церкви, через хутор священника и вступил в свой лагерь.

С наступлением темноты резкая труба оповестила “сбор” на вечернюю поверку. Отряд выстроился впереди лагеря, фронтом к саду хутора священника, где собралось все духовенство во главе с Владыкой и все гости.

После проверки по взводам и команды “смирно” трубач играл “Зорю”.

День угас и наступил вечер теплый, светлый: луна в полном сиянии царил на небе, освещая мягким светом золотые кресты кульневской церкви, гусарскую усадьбу, хутор священника, белые палатки лагеря, тихую, голубую ленту реки и стройные шеренги отряда, играл отблесками на меди труб оркестра. Труба умолкла и после команды “на молитву, шапки долой” отряд дрогнул в три приема, взяв штычки в изгиб левой руки. При полной тишине понеслась к небесам молитва “Отче Наш”, после которой оркестр проиграл “Коль славен”. Под короткий марш, отряд разбежался по палаткам и столам.

Ночь. Часовые у знамен, дежурный сокол по от-

ряду и дневальные у палаток охраняли крепкий и здоровый сон русской молодежи. Ночь сменилась светлым и теплым днем. В 6 ч. утра после сигнала “подъем”, отряд проснулся, зашевелился. К 10 ч. утра в стройной колонне, имея впереди два больших венка, подошел к кульневской церкви, где Владыка Иоанн и 8 священников служили литургию.

По углам гробницы стали 2 сокола и 2 разведчика почетными часовыми, а у изголовия 2 знаменщика. Церковь была полна молящимися. Дивно пел местный хор, который пополнился соколами, соколками, родственниками и друзьями соколов.

Перед началом панихиды, владыка Иоанн сказал слово, закончив его словами: “У этой могилы, нам надо учиться, как любить нашу Родину-Россию”.

Когда знаменщики уходили из церкви и склонили над гробницей знамена, все молящиеся стали на колени. В глубокой благоговейной тишине были слышны рыдания и видны тихие слезы.

Перед воротами церкви, развернутым фронтом построился отряд, который приняв знамена, замер после моей команды “смирно”.

Под встречный марш, подошли к параду и стали впереди ворот: принимающий парад полковник Дыдоров, брат староста Двинских соколов — доктор Б. Б. Зубарев, Владыка Иоанн и полковник ф.-Бек. Владыко Иоанн благословил парад.

Утром 21 июня, поблагодарив милого отца Арсения и его добрую матушку за любовь и ласку, отряд, пройдя усадьбу священника при крике собравшейся толпы гостей, подошел к Кульневской церкви. Была прочитана молитва перед походом, после которой, отряд вытянулся по дороге на Режицу.

Прибыв в Режицу, я поблагодарил свой милый Русский отряд за дисциплину, за поход и отпустил по домам.

К. Лейман.

“Православная Жизнь”.

Лейб-Казакам

К Полковому Празднику

Было ли это: снесенные смаху
В снег, со штандартов, чужие орлы,
Взгляд сожаленья соратника праху,
Взятые маршалов сабли, жезлы...

Грозная воля Российской Державы,
Путь беспримерных трудов и забот;
Лейпциг в победном сиянии славы,
Грохот последний монмартрских высот?

Н.Самойлов

Полк пред глазами Европы в Париже,
Доблесть на пиках, на русских штыках...
К Сене сходящие лошади ниже,
С шрамами ран на усталых боках?..

.....
Только у нас эта была неизмѣнна,
Память побед нерушимо-жива;
Мысль о служеньи тиха, сокровенна,
Вняты заветов старинных слова.

Выше бокал за Российскую славу,
Лейпциг и весь Лейб-Казачий наш путь!
Мы, как потомки, по полному праву
Можем в Париже пока отдохнуть

С верой, что солнце победы осветит
Наших штандартов седеющий шелк.
Новою славой когда-то ответит
Славе прадедов бессмертный наш Полк!

Иван Салацкий

От Батума к Трапезунду

I

Старая тетрадь, случайно, сохранилась у меня. Она пожелтела, истрепалась и требует срочного ремонта.

Так же срочно нажимает на меня и неутомимый редактор "Военной Были" А. А. Геринг. Исполняю его желание. В эти дни своего отпуска, окунаюсь в область воспоминаний, в славное, незабываемое прошлое и посвящаю этот бесхитростный труд Начальнику Приморского Отряда и Коменданту Михайловской крепости, генералу Ляхову, трагически погибшему, в дни лихолетия, в Батуме.

Тяжелый момент, на Кавказском фронте, в конце 1915 г. и начале 1916 года, когда, из-за перешитых действий генерала Ельшина, Михайловская крепость, вместе с Батумом, едва не попала в руки неприятеля — прошел. Вновь назначенный, вместо отозванного генерала Ельшина, генерал Ляхов очистил Батумскую область от противника, восстановил порядок и вновь поднял престиж Русского имени среди местного мусульманского населения. Правым флангом своего Отряда, он, сначала, занял селение Хопа, за турецкой границей, а затем, продвинулся и закрепил за собой правый берег реки Архаве. Таким образом, к началу решительного наступления, к концу января 1916 года, Приморский Отряд занимал на турецкой территории весь правый берег реки Архаве, на всем ее протяжении до 7 пограничного столба. 7-й пограничный столб и Парехесский перевал занимали части Чорохского Отряда, прикрывавшие Мургульское ущелье и Джансульский медный завод. Наконец, крайний левый фланг Приморского Отряда, Артвинский Отряд охранял город Артвин и Артвинское шоссе, связывавшее последний с областным центром городом Батумом.

В конце января 1916 года, правый фланг Приморского Отряда перешел в наступление и оторвался от Чорохского Отряда, для которого Парехский перевал, Кервенг-Даг, Патаджур и, вообще, весь Понтийский Тавр оказались непроходимы, из-за обилия снега и льда, бушующих здесь и заметающих все пути сообщения. При дальнейшем наступлении, этот Отряд был расформирован и части его, по возвращении в Батум, были влиты в главные силы Приморского Отряда.

В заключение моего предисловия, должен сказать, что во главе первой, то-есть до появления 5-го Кавказского Пешего Пограничного полка, на фронте Приморского Отряда, для ясности картины, мне пришлось пользоваться не только своим дневником, но и внимательно ознакомиться с трудом генерала Масловского, бывшего Начальником Оперативного Отделения Штаба Кавказской Армии. Труд этот дает полную боевую обстановку описываемого мною момента на Кавказском фронте.

После разгрома 3-й турецкой армии в Азанкейском сражении, в конце декабря 1915 года, при выходе Кавказской Армии к знаменитым и неприступным позициям "Дев-Бойну", когда Командующий Кавказской Армией решил штурмовать Эрзерум, Главным Командованием было приказано Начальнику Приморского Отряда перейти в наступление, с целью не дать возможности противнику производить необходимые ему переброски частей к району Эрзерума. Согласно полученному приказанию, Начальник Приморского Отряда и Комендант Михайловской крепости генерал Ляхов принял все меры к подготовке продвижения своих частей вперед и, в конце января 1916 года, перешел в решительное наступление против турок.

К этому моменту, в состав Приморского Отряда и гарнизона Михайловской крепости входили: 8 батальонов, 3 батальона Крепостной Артиллерии, 8 Ополченских дружин, 1 Добровольческая дружина, 2 конных сотни, 1 добровольческая конная сотня, 24 орудия, 4 инженерных роты, и, в городе Батуме, спешно формировался из оттянутого с фронта Отдельного батальона 25-й Пограничной бригады 5 Кавказский пеший Пограничный полк. Это давало возможность довести количество пехоты до 12 батальонов. Силы противника исчислялись в 16 батальонов и 14 орудий, но, к февралю 1916 года, они значительно усилились прибывшими из района Константинополя подкреплениями. Нужно сказать, что подкрепления подходили к туркам постоянно, по мере развития операции.

Одной из географических особенностей театра военных действий в приморском направлении было то, что главный массив Понтийского Тавра, приближаясь к Черному морю в районе нашей государственной границы, у Седьмого пограничного столба на Парехском перевале, постепенно отодвигался от моря в юго-западном направлении, расширяя тем плацдарм для частей действующих в этом направлении. Этот громадный хребет, в обычное время непроходимый зимой, из-за обилия покрывающего его снега, до периода таяния, давал возможность вести вполне самостоятельные операции, вне зависимости от линии общего фронта. От центрального массива, параллельно друг другу, уступами сбегали к морю продольные хребты, разделенные глубокими ущельями, с быстрыми и порожью, многоводными ручьями и речками с летяной волной. Все склоны гор, на протяжении Анапийского побережья, покрыты зарослями девственных лесов и трудно проходимы, мало заселены и почти не имеют путей сообщения.

Прибрежная полоса наобшест — густо заселена, земля обработана и, помимо апельсиновых рощ, повсюду тянутся насаждения орехов, фундука, табака и кукурузы. Обилие пастбищ давало населению воз-

возможность заниматься скотоводством, а близость моря — рыболовством и торговлей. Все эти параллельные хребты являли собою по существу идеальные позиции для обороны, но уязвимость их была в том, что они легко обстреливались во фланги и тыл господствующим на море флотом и легко обходились при помощи десантных операций.

23-го января 1916 года генерал Ляхов, всеми силами своего Отряда, атаковал турок на сильно укрепленных позициях левого берега реки Архаве, и, при содействии Батумского Отряда судов, к вечеру того же дня сбил противника. Турки отошли к Сумли и Вице. Продолжая безостановочное движение вперед, 26 января передовые части Приморского Отряда подошли к реке Вице-Су, а, вслед за ними, по правому берегу той же реки, сосредоточился и весь Приморский Отряд. Несмотря на то, что противник занял исключительно выгодные позиции на высотах левого берега Вице-Су, генерал Ляхов решил сбросить его оттуда, для чего и отдал распоряжение: Пластунам выйти в обход правого фланга противника, а Батумскому Отряду судов поддерживать фланговым огнем с моря, атаку правого фланга Приморского Отряда.

В течении всего дня 2 февраля, линейный корабль "Ростислав", 4 миноносца и 2 канонерских лодки громят своим огнем турецкие позиции и, несмотря на контр-атаки турок, в ночь на 3 февраля, наши части решительно атакуют противника и сбивают его с левого берега реки Вице-Су. 6 февраля, отбросив противника за реку Беюк-Дере, Приморский Отряд останавливается, для подготовки дальнейшего наступления. Вполне современно оборудованные турецкие позиции были очень сильны, река глубока и не имела бродов.

В это же самое время, обстановка на Кавказском фронте складывалась так, что, после взятия Эрзерума и вытеснения частей 1-го Кавказского корпуса в сторону Мамахатуну, Командующему Армией необходимо было прервать связь стоявшей перед ним 3-й турецкой армии с центром страны. Промежуточной базой этой армии являлся Трапезунд и, как большой порт, он же был главным пунктом ее снабжения. Во исполнение этого плана, генерал Ляхов решил овладеть позициями турок по левому берегу Беюк-Дере, путем обхода их правого фланга по склонам, мало доступного в это время года, Понтийского Тавра, с одновременной высадкой специально сформированного в Батуме десанта, в тыл левого фланга их армии. Батумский Отряд судов должен был артиллерийским обстрелом способствовать успеху десантного Отряда.

19 февраля, во исполнение полученной директивы, Батумский Отряд судов начинает усиленный обстрел турецких позиций, а части Приморского Отряда готовятся к решительному наступлению.

II

*Путь мы в Ризе проложили,
В Трапезунде Русский флаг,
Пападжур зимой суровой
Нам и наш Дагести Даг.*
(Из солдатской песни)

В это время, в Батуме происходило следующее: к 19 февраля 1916 года, в рядах 5-го Кавказского Пешаго пограничного полка, полностью имелось только два батальона (8 пеших сотен) и 1 конная сотня. 3-й и 4-й батальоны, со всеми полагающимися по штатам полку командами и нестроевой сотней, находились еще в стадии формирования и в предстоящей операции принять участия не могли.

19 февраля, в полдень, после раздачи обеда, два батальона были построены в районе расположения полка, по Пушкинскому проспекту и, после напутственного Молебна, двинуты в порт, где и погрузились на два тральщика, с расчетом, по батальону на каждый. Без нестроевых чинов, состав каждой сотни был в 221 штук, при двух ружьях-пулеметах. Десантному Отряду была придана пулеметная команда одного из пластуных батальонов, то-есть 8 пулеметов Максима.

Как встревоженный улей, гудел Батумский порт, в этот светлый, солнечный день 19 февраля. Почти весь город собрался провожать десантный отряд, в котором было немало прирожденных батумцев или служивших раньше в этом славном, чистом и уютном городе, с его сказочной природой. У тральщиков, опшвартованных у стенки Наливной Гавани — давка. Родные, знакомые, просто любопытные — милые и дорогие лица. Торопливые, перекрестные разговоры, всевозможные пожелания и просьбы, слезы на глазах. Фантастические слухи. Говорят, что идем брать Трапезунд, а некоторые, горячие головы, посылают нас прямо к берегам Босфора. Корабли забрасываются цветами, пачками папирос, апельсинами, обильно растущими в этом благодатном краю и всей той снедью, что имелась на лотках и расхватывалась провожающими у юрких торговцев и разносчиков.

Но время отхода приближается. На мостике парит оживление. Отдаются последние распоряжения и, через несколько томительных минут, раздается зычная команда, покрывающая гул голосов:

— Отдать концы.

Затрепал звонок машинного телеграфа, под винтами забурила вода и корабли, плавно забирая ход, отделились от стенки, ворочая через разведенные бонны, к выходу в открытое море. Словно по команде, замелькали в воздухе фуражки, шляпы, дамские платочки и зонтики, посылая последнее "прошай", а затем, сначала одиночными голосами, дружно подхваченными всеми провожающими, стройнее и шире, полились с берега волнующие и трогательные звуки молитвы. Громкая толпа, обнажив головы, осеяв себя и уходящие корабли крестным знаменем, пела "Спаси Господи люди Твоя".

В ответ, с кораблей, загредел торжественно-мощный Народный Гимн “Боже Царя храни”, подхваченный на берегу, провожающими. Громовое “ура”, перекатами, неслось над Батумским портом. У многих на глазах навертывались слезы. Минуты были — незабываемые.

В 14 часов, отряд из двух тральщиков, под конвоем двух миноносцев, вышел в открытое море, имея завесу из линейных кораблей Черноморского флота.

Довольно рискованная, в это время года, десантная операция в тыл противника, была глубоко продумана Штабом Михайловской Крепости и разработана до мельчайших подробностей. Вытребованные для нее из Ростова, специальные тральщики, типа “Елпидифор”, заблаговременно прибыли в Батум. На них машинное отделение находилось в корме и, благодаря малой осадке, они могли вплотную подходить к берегу, врезываясь носом в прибрежную гальку или песок. На носу были приспособлены двойные широкие сходни, которые, при помощи паровых лебедок, опускались прямо на берег. Тут же на носу, прикрытые броневыми щитами, помещались по одной скорострельной трехдюймовке на борт.

Сверх того, тральщики были вооружены каждый двумя 47-мм. пушками Гочкиса. Место на кораблях было точно рассчитано для каждого взвода и неоднократные маневры приучили солдат к порядку высадки. На каждый взвод были выданы длинные бамбуковые легкие шесты с национальными флагами, которые давали бы возможность наблюдателям, корректирующим стрельбу с моря, видеть расположение частей, высадившихся скрытно в густых зарослях рододендрона, обильно растущего на прибрежных горах.

Через два часа по выходе в море, командирами батальонов, подполковниками Сташевским и Гермапом, были собраны командиры сотен и младшие офицеры и, в их присутствии, был вскрыт секретный пакет, содержание которого было:

“Противник занимает сильно укрепленные позиции по левому берегу реки Беюк-Дере, имея наблюдение за морем и охрану побережья в тылу, небольшими частями. Приказываю: на рассвете 20 февраля, 1-му батальону 5-го Кавказского Пешаго пограничного полка высадиться на одну версту западнее селения Атинэ, атаковать противника, сбить его и занять высоты, прилегающие к названному селению. 2-му батальону того же полка высадиться восточнее селения Атинэ, у отдельной башни на берегу моря, сбросить противника с окружающих высот и одной сотней занять селение Атинэ. При высадке, в первую очередь уничтожить телеграфную и телефонную связь противника. По исполнении сего, удержаться на позициях до подхода главных сил Приморского Отряда.

Подпись: Генерал Ляхов.

В пояснение данной задачи, старшими начальниками было указано, что еще накануне, 18 февраля, генерал Ляхов, с чинами своего штаба и командирами батальонов и сотен, вышел на миноносце в секрет-

ную рекогносцировку к турецким берегам. Осмотрев их с моря и изучив местность, генерал Ляхов, тогда же и решил высадить десант у селения Атинэ.

Придя в Орта-Хопу, наш отряд простоял до глубокой ночи на рейде и вышел в море с таким расчетом, чтобы подойти к месту высадки, с наступлением рассвета. На редкость, для этого времени года, чудная погода. Спокойное море. Теплая, темная, безлунная ночь. Она казалась еще темнее из-за полнейшего мрака на кораблях. Все люди и иллюминаторы наглухо задраены. Отличительные огни не горят. Курить на палубе, строжайше, воспрещено. Приняты все меры, дабы не обнаружить себя преждевременно. Слышен только мерный гул машин. Изредка всплеснет рассекаемая волна, иногда замаячит чуть заметный огонек на корме головного миноносца, ведущего нас по мрак неизвестности. Душевное состояние тревожное, но несколько стаканов доброго кахетинского поднимает настроение. Врезжит рассвет. Смутно вырезается берег, на фоне темных гор. Чуть виднеются на нем силуэты каких-то построек, темные пятна садов, тонкие иглы минаретов. Отряд у цели своего назначения. Тральщики круто ворочают к берегу, миноносцы отстают, медленно продвигаясь между ними. Берег ширится и растет. В трюмах поданы команды. Люди в полной боевой готовности и заряженные орудия готовы к бою.

На берегу, пока спокойном и пустынном, вдруг замечались какие-то тени. Быстро скрылись, вновь появились. Стала ясно видна неприятельская цепь. Сгибаясь, держа винтовки в руках, турецкие солдаты стали быстро подниматься на прибрежные холмы, исчезая в зарослях кустарника. Но, в этот же момент, послышалось слабое шуршание песка, легкое вздрагивание корабля и маленький толчок. Тральщик, носом своим, врезался в берег. Громкая команда с мостика, сходни упали и, взвод за взводом, гуськом, в затылок друг другу, молниеносно стали выгружаться сотни, рассыпаясь в цепь, тут же на берегу.

Люди, назначенные к уничтожению телеграфной и телефонной связи противника, вооруженные большими ножницами и когтями, кинулись к телеграфным столбам, на дороге, прелегавшей тут же у берега моря. Мгновенно провода были порваны, часть столбов повалена и селение Атинэ и турецкие позиции по реке Беюк-Дере были отрезаны от своей базы в городе Ризе.

Ошеломленные турки дали возможность десантному отряду высадиться без выстрела. Прекрасно выученные пограничники, в рекордное время, чуть ли не в 8—10 минут выгрузились и батальон развернулся и занял исходное положение. И только тогда, когда наши цепи, не ложась, пачали быстро взбираться на высоты, прилегающие к берегу, со стороны турок, наконец, затрещала беспорядочная стрельба.

Частый огонь, чередующийся с залпами, резкие удары орудий с миноносцев, где-то вспыхнувшее “ура”, быстро подхваченное по всему фронту атакующих частей, все эти звуки перекатывались по уще-

льям, отдаваясь эхом в горах. Сотни пошли в штыки. Противник дрогнул, разом оборвал огонь, и, оторвавшись от наседающих сотен, бежал в горы. Захватив пленных, полевое орудие, не успевшее дать ни одного выстрела и много снарядов, к десяти часам утра, сотни, окопавшись, полукольцом заняли позиции в горах, в 6-8 километрах от селения Атинэ.

Дессант был выполнен настолько удачно, а главное неожиданно для противника, что линия их обороны по реке Беюк-Дере была ими оставлена, турки спешно отходили и обстановка позволила Приморскому Отряду уже к 13 часам пройти селение Атинэ и продвинуться вперед, чтобы войти в соприкосновение с отступающим противником. К 15 часам, батальоны, покинув свои позиции, были стянуты к берегу и вновь

погружены на свои тральщики. На берегу сотни встречал генерал Ляхов и благодарил за лихое дело. После погрузки 1-го батальона, произошел непредвиденный случай. Основательно врезавшись в берег, тральщик не смог самостоятельно сойти с мели, несмотря на то, что все люди были сгруппированы на корме, находившейся на свободной воде. Завезенный, с транспорта № 79, буксир лопнул и, только после больших усилий, транспорту № 79, совместно с одним из миноносцев, удалось снять наш тральщик и вывести его на чистую воду. Невольно мелькнула мысль — что было бы с нами, если бы десант был неудачен?

Георгий Аустрин
(Продолжение следует)

Из Польши на Украину

С III-й РУССКОЙ АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛА ВРАНГЕЛЯ

37 лет тому назад, летом 1920-го года, в Польше находилось значительное количество офицеров, казаков и солдат, попавших в Красную Армию после Новороссийской катастрофы и перешедших затем к полякам, или попавших к ним в плен, во время советского наступления на Варшаву.

Переходили одиночным порядком, группами и даже целыми частями. Еще до начала отступления Советских Армий, в составе Польской Армии на фронте действовали: отряд Ген. Балаховича, при котором позже был сформирован Донской полк Полк. Духопельникова с 2-х орудийной батареей (Полковник Бабкин), бригада Есаула Сальпикова (Донской полк с батареей, перешедший из Конной Армии Буденного), бригада Есаула Яковлева (донцы, терцы, волчанцы с батареей) и в составе Украинской Армии — Донской полк Есаула Фролова с батареей, развернутый из дивизиона 42-го Дон. каз. полка, отказавшегося интерприроваться с Армией Ген. Бредова.

Затем началось формирование в г. Калише III-й Русской Армии Генерала Врангеля (Командующий Армией Ген. Пермикин) в составе: 1-й стрелковой дивизии Ген. Бабошко, 2-й стр. дивизии Ген. Палена (из кадров С. - Зап. Армии) и сводной каз. дивизии Ген. Трусова (Донской, Оренбургский и Уральский полки, Кубанский дивизион и Донская батарея).

Незадолго до заключения перемирия поляками, недоформированные, слабо или совсем невооруженные, части III-й Русской Армии, были спешно вывезены на Украину, где совместно с Украинской Армией должны были самостоятельно продолжать борьбу, с целью облегчить положение в Крыму. За исключением отряда Ген. Балаховича туда же были направлены и казачьи части, находившиеся до этого в составе Польской Армии, где они должны были войти в состав Сводной Каз. дивизии.

Об этом периоде мало что было помещено в печати.

Сохранившийся у меня дневник является поэтому

довольно ценным, т. к. отражает обстановку и настроения той эпохи, хотя в нем и нет ничего сенсационного.

Изо дня в день я записывал события и те, большей частью фантастические слухи, которые доходили до нас в то время.

Еще живые участники этих событий, да и другие, не без интереса прочтут эти, уже давно перевернутые, страницы прошлого.

(Из дневника рядового офицера.)

9-го октября н. ст. 1920 г.

Лагерь № 5 в Калише.

Днем вбежал в наше помещение комендант лагеря - майор и сказал, чтобы все укладывали, т. к. приказано, чтобы к утру все казаки были вывезены из лагеря. Куда поедем — точно неизвестно: наша батарея отправляется последним эшелоном. Первым отправляется Донской полк, затем Оренбургский, потом Уральцы и, наконец, мы. Готовимся. Сдали матрасы и одеяла. Поедем утром, поэтому ночуем на голых нарах.

Раздался слух, что наше поспешное отправление зависит от того, что поляки заключили мир с Советами, а Германия объявила войну Польше.

Мне последнее кажется весьма неправдоподобным.

10-го октября.

Утром увидели, что эшелон Донского полка еще не отправлен. Днем он все еще продолжает стоять. Пошли слухи, что якобы у нас отберут лошадей. Оказалось все вздор. Были две причины: во-первых не было еще получено приказа о выступлении от Ген. Трусова и во-вторых искали одеяла, т. к. Донской полк и Оренбурцы не сдали около 150 одеял. Одна только батарея сдала все.

Вечером ходили в лагерьный театр — на проща-

ние. Играли недурно. Шло: "Дама в зеленой маске" и "Исполнительный лист". Во время второго действия поднялся сильный шум. Оказалось, что отходит эшелон Донского полка и казаки с шумом покидали зал.

11-го октября.

За ночь ушло три эшелона. Утром грузился Уральский полк, а за ним поедет мы. Уедем все же не раньше вечера. Узнали, что по требованию можно дешево достать водки. Послали хозяина собрания купить тридцать бутылок.

К обеду пришла в лагерь партия пленных из Шелково. Среди них оказались два телефониста, ушедшие первыми от красных и И-ий (студент, был у меня артельщиком в 1-м партизанском арт. взводе Донской Арт-рии). Накормили, как могли офицеров — человек 10, затем обедали сами. Пригласили командира бригады Полк. Дэ-Маньян, который уезжает с нашим эшелоном.

Около 4-х часов подали, наконец, нам эшелон для погрузки. Говорят, что поедем через Львов и Краков на Вольну.

Сегодня за обедом достали номер газеты за 10-е октября. В нем оказалось уже напечатанным наше письмо. Кроме того очень интересная сводка Польского Штаба. Оказывается Ген. Желиговский, во главе Литовско-Белорусской дивизии, оставшись недоволен условиями перемирия с литовцами, согласно которых Вильно отходило к ним, как уроженец этой губернии, не подчинился приказам польского командования, сложил с себя командование группой войск и со своими солдатами продолжает наступать, причем занял Вильно, отказавшись наотрез от предложения французского губернатора объявить его вольным городом.

К вечеру погрузились. Ужинаем в вагоне. Когда кончали, пришел капитан Станкевич — польский офицер старой русской службы. Ужин затянулся. В конце его нам подали классный вагон. Я поместился вместе с Есаулом П. Когда поезд тронулся, разговорились о прошлых боях. Пришел командир с зав. хозяйством. Я сказал, что сегодня мы начинаем ехать в Новочеркасск — предстоит много интересного. Едем через Краков - Львов - Броды в Ровно.

12-го октября.

Лодзь. Проснулись утром — стоим. Оказывается железно-дорожная забастовка. Командир поехал в город. Есаул П. поручил ему купить диагонали, т. к. в России ее не купишь ни за какие деньги. Мой вестовой Астахов принес молоко. Литр стоит 8 марок. Стоим весь день. В 7 ч. вечера, наконец, трогаемся. Часов в 9 в наш вагон начинает набиваться публика, т. к. вследствие забастовки движение пассажирских поездов прекращено.

Кое-кого выставляем, остальные стесняют нас до утра.

Поляки заключают перемирие.

13-го октября.

Подъезжаем к Кракову. Прибыли туда в полдень. Пообедали на питательном пункте — обед неважный: скверный суп и мамалыга. В 15 часов поезд отошел. Вечером впервые пропустили 6 роберов в винт.

14-го октября.

В 15 часов приехали во Львов. В магазинах всего много, но город грязноват.

15-го октября.

Броды. На рассвете опять влезли два жолнежа и дама. Бригада Есаула Яковлева пошла на Проскуров.

Сейчас (13 часов 45 минут) переезжаем границу между Броды и Радзивиловым. Повсюду видны следы войны: окопы, проволока, сожженные станции.

Опять забастовка и отсутствие паровозов, благодаря чему в Радзивилове застряли. На станции грузятся части бригады Есаула Яковлева. При бригаде Донская батарея, больше по названию. Офицеров Донских артиллеристов в ней нет совершенно, казаков всего 35 человек.

16-го октября.

Радзивиллов. В 11 ч. 45 м. благодаря настойчивости польских улан, едущих с нами в количестве 30 человек, наконец, поехали дальше. Едем отвратительно.

17-го октября.

Ст. Здолбуново. Маршрут немного изменен. Сегодня доедем до ст. Оженин, а оттуда три дня идти походом.

Около 12-ти часов окончили выгрузку, закусили и тронулись на город Острог. Ночевать остановились в 3-х верстах за ним в д. Вильбовно, куда пришли с наступлением темноты, т. е. часов в 8 вечера.

18-го октября.

В 9 ч. 30 м. выступили в м. Славута, но до него не дошли. Остановились в д. Коломия. Расположились свободно. Произвели разбивку пополнения. Ко мне попали 1 офицер и 5 казаков. Предположено здесь формироваться.

Вечером приехал из штаба отряда Полковник Дэ-Маньян и сообщил, что мы переходим в район Заславля, где остановимся окончательно и будем формироваться, при чем сразу батарея развернется в дивизион.

Вновь прибывший Есаул С-й сегодня имениник. Выпили по паре рюмок и пошли спать. Завтра выступаем.

19-го октября.

В 9 ч. утра выступили в д. Липарка. Дорога тяжелая — песок. В д. остановились отдохнуть и закусить. Во время еды проходили мимо части бригады Есаула Сальникова и батареи. Командир ее зашел к нам.

Сообщают новости все приятные:

1 — Ген. Врангель занял Киев.

2 — Ген. Балахович, занявши Минск, объявил поход на Москву.

Мы будем формироваться и получим все. Одну батарею целиком (орудия) получим из Львова, а вторую из Ровно. Обмундирование 20.000 комплектов уже идет.

20-го октября.

В 9 ч. выступили из Изъяславля в д. Ленковцы. Переход довольно большой, да еще дали крюку. По дороге командир бригады сообщил, что к нам (в дивизию) вливается полк Духопельникова.

Перед нами фронт в 60-ти верстах и охраняется конными польскими патрулями. На этом участке стоят три свежих дивизии красных.

Понадеялся на собрание и не обедал дома. Как и следовало ожидать, из собрания ничего не вышло, и я остался почти голодным.

Вечером получили приказание перейти в д. Четырбоки, а на наше место перейдут Оренбурцы. Завтра поедем: командир — ругаться, а я квартирьером.

21-го октября.

Утром с квартирьерами поехал в Четырбоки. Пробовали спорить с я-ком штаба, но ничего не вышло. Расположились все же ничего, хотя в моем районе лучшие квартиры заняли к-р, зав. хоз. и н-к отряда.

22-го октября.

Утром ел вареники с маком. Обед принесли из собрания совершенно холодный.

Вечером командир батареи собрал всех офицеров и сообщил следующее: простоям мы в деревне Четырбоки дней 10-12, а затем перейдем на первый фланг Украинской Армии.

Поляки будут удовлетворять нас сахаром, жирами, свечами, мылом, табаком и прочей мелочью, остальное же будем черпать из местных средств через дивизионное интендантство.

Из лагеря идут к нам 2.500 казаков пополнения.

Ассигновано нам: 20 бронированных автомобилей и 25 французских аэропланов. Снабжать поляки будут до 22-го ноября.

Лошадей обещано 3.000 на всю группу войск Ген. Пермикина.

Всех дам отправят в г. Остров-Познанский, где им будет предоставлен полный пансион Американским Красным Крестом.

Савинков поехал с Балаховичем, а у нас будет дипломатическим представителем Философов.

Жалованье в будущем будем получать Романовскими рублями. Батарея разворачивается в дивизион, приказ о чем уже пишется. При полках и дивизионе будут устроены лавочки. Товар будет закупаться в г. Острове.

23-го октября.

Утром разрешил хозяину привести воз дров для взвода. Как и предполагал — вышел скандал. Все крестьяне поехали за дровами. Пришлось ловить, останавливать и развозить по всем дворам. В результате ругня.

Вернулся зав. хоз. из Шепетовки. Привез булок, салтисону, сахару и свечей. Цены в четыре с половиной раза больше, чем в Калише.

24-го октября.

Утром встал, наелся оладьев со сметаной и пошел бродить. Скучно. Кое-как дотянули до обеда. На обед собрались все. Посмотрели очередные карикатуры Сотника С-ва и разошлись. Есаул П. имел беседу с к-ром батареи и, как выяснилось из разговора, к-р возьмет Сотника К-ва в дивизион. Я, вероятно, буду командовать 2-й батареей, а он будет у меня старшим офицером, а зав. хозяйством Сотник Д-щев.

25-го октября.

Во взводе пала лошадь "Ойра". День прошел скучно.

26-го октября.

Есаул П. сшил сапоги. Сделаны очень прилично. Завтра закажу свои. Хорунжий Н. скоро поедет в Остров за товаром для лавочки. Ночью выпал маленький снег.

27-го октября.

После обеда сыграли сбор офицерам. Собрались. Пришел командир и сообщил новости: числа 2-го — 4-го будет заключен мир между Польшей и большевиками. Польские войска отойдут за р. Горынь. Вследствие этого мы отходим в район Волочиска. Переход верст 80 с расчетом на 6 дней.

Армия идет тремя колоннами: восточная — отряд Ген. Бабошко, западная — отряд Ген. Палена, средняя — наш отряд Ген. Трусова.

Двигаться будут: 1) Отряд Ген. Бабошко — на Козько — Пашковцы — Писаревка — Купель — Войтовцы. Выступает 28-го октября. 2) Отряд Ген. Палена выступает 28-го октября и идет на Белгородку — Ледуховку — Свино — Буковцы. 3) Наш отряд выступает 28-го и переходит:

28-го октября — Штаб и Донской полк — Влатановка — Сахновцы.

Уральский полк — Лещаны. Оренбургский полк: Марковцы — ф. Бейзимы. Батарея — с. Бейзимы. Бригада Есаула Сальникова — Суньджин — Вербовцы.

— 29-го октября — Штаб и Донской полк — Трусиловка — Федоровка. Уральский полк — Кушмановка. Оренбургский полк — Пузырьки, Батарея — Зеленая. Бригада Сальникова — Новое Село.

30-го октября. Штаб и Донской полк — Колки. Оренбургский полк — Васильевка. Уральский — Олейники. Батарея — Волица Полевая. Бригада Есаула Сальникова — Леданка.

31-го октября — Дневка.

1-го ноября. Штаб дивизии и Донской полк — Базалия. Уральский полк — Воробьевка — Лазузин Мал. Оренбургский полк — Богдановка. Батарея — Базалия. Бригада Есаула Сальникова — Ордынцо — Мадаровка.

2-го ноября. Штаб — Лонки. Донской полк — Ма-

начин. Уральский полк — Клинины — Гонеровка. Оренбургский полк — Рабиевка. Батарея — Янушевы.

Красных против нас две дивизии башкир.

28-го октября.

В восемь с половиною часов выступили и перешли в с. Безимы. Квартира неважная, но хозяева попались радужные.

Есаул П. остановился у еврея. Квартира чистенькая, но холодная. Порядочно книг. В старом юмористическом журнале времен Косьмы Пруtkова прочел продолжение басни “Стрекоза и муравей”:

“Легковерна, но умна,
Стрекоза вняла совету
И пошла по белу свету
С той поры плясать она.
Легкокрылая плутовка
Побела дела так ловко,
Что к весне была она
И богата, и знатна...”

Переписать не было времени, цитирую по памяти. В то же время с муравьем случилась беда:

“Ручеек, такой затейник,
Весь размыл он муравейник...”

и пришел муравей просить помощи у стрекозы — та отказала:

“Сам себе ты строил рай,
Ну так сам и умирай”.

29-го октября.

На дворе порядочный мороз. Закусил жареного сала, оладьев с медом, выпил кавы с молоком и мы выступили.

В д. Новое Село командир бригады сообщил, что есть распоряжение дойти до места ночлега и дальше не двигаться.

По дороге встретили Украинских офицеров и солдат. Едут мобилизовать. Ночевать остановились в д. Зеленая.

30-го октября.

Утром пришел Кирсаньч (урядник) и сказал, что в 9 часов выступаем обратно, но не в Четырбоки, а в с. Безимы.

Утром разнесся слух, что красные нарушили перемирие и где-то напали на поляков, а последние в свою очередь атаковали их.

31-го октября.

С. Безимы. Вечером приехал из штаба командир и привез новость: завтра выступаем на восток.

Мирные переговоры, происходящие в Минске и Бердичеве, отложены до 15-го ноября. Мы должны стать на линию фронта и произвести там дебош. Помогать нам будут украинцы.

Полк. Н-ов вернулся из Варшавы и сообщил, что видел батарею, которая бродит, и поляки не знают, кому ее сдать.

Приказом по отряду приказано конных казаков свести в сводные сотни и всем нашить на левый рукав верхней одежды крест из белой тесьмы шириною полтора дюйма.

Немедленно появилось крылатое слово “ к р е с т о н о с ц ы ”.

(Мера эта, как говорили, была вызвана тем, что в Уральском полку, перешедшем целиком от красных, многие носили “буденовки” и трудно было различать, кто они: белые или красные).

Е. Ковалев

(Окончание следует)

Ноябрьские бои за Высокую гору под Порт-Артуром

Одной из самых славных страниц обороны Порт-Артура является 10-дневный бой за Высокую гору в ноябре 1904 года.

В северо-западной стороне Порт-Артура находилась горная гряда под названием Угловых Гор. Самая высшая точка ее достигала 100 саж. (203 метра) и получила название Высокой горы. Японцы же ее называли “высота 203”. Она была отличной и сильной от природы позицией и командовала над окружающей местностью, являлась тактическим ключом и имела широкий кругозор во все стороны. С нее был хорошо виден внутренний рейд, где укрывался Русский флот.

В конце мая 1904 г. Угловые горы поступили в распоряжение командира 5 В.-Сиб. стр. полка Полковника Третьякова (окончившего, в свое время, Николаевскую военно-инженерную академию). С этого

времени они начали серьезно укрепляться: на Высокой Горе был отрыт кольцевой окоп с профилем для стрельбы, стоя со ступеньки, были устроены блиндажи, козырьки над окопами. Впереди были расположены проволочные заграждения. Далее был отрыт крытый ход сообщения. Была построена батарея для двух скорострельных орудий.

Соседние с Высокой Горой высоты: горы Фальшивая, Плоская, Дивизионная также усиленно укреплялись.

Впервые Высокую Гору японцы атаковали с 6 по 9 сентября, но были отбиты.

Выход и приближение эскадры адмирала Рожественского очень тревожил японцев, т. к., соединившись с уцелевшими судами Порт-Артура и Владивостокской эскадры, она могла бы стать грозной силой, поэтому ген. Ноги получил решительное приказание

взять Высокую Гору и устроить на ней наблюдательный пункт, дабы, при помощи артиллерии, можно было бы уничтожить суда Порт-Артурской эскадры. Одновременно, армия ген. Ноги, получила ряд подкреплений и была доведена до численности 100 тысяч человек и заключала в себе 24 пехотных полка.

С этими силами ген. Ноги попытался еще раз взять Порт-Артур штурмом. 13 ноября японцы открыли сильный огонь по Высокой Горе, причем в бомбардировке принимали участие 11-дюймовые мортиры и 6-дюймовые пушки. Обстрел этот причинил много разрушений.

Гарнизон Высокой Горы состоял из трех рот 5-го В.-Сиб. стр. полка, одной роты 14-го Вост. Сиб. стр. полка и одной роты 15-го Вост. Сиб. стр. полка. Комендантом горы был храбрый капитан 5-го В.-Сиб. стр. полка Стемпневский I.

Ввиду ожидаемого штурма были подтянуты роты резерва: нестроевые роты 5, 13 и 28 полков (ввиду большого недостатка в бойцах, нестроевые роты также должны были идти в бой).

14 ноября японцы снова усиленно обстреливали Высокую Гору, причем огонь, главным образом, был направлен на редуты, высеченные в скале. 11-дюймовые снаряды откалывали большие глыбы гранита, разрушения были велики, но потери в людях не столь велики, т. к. редуты занимались только часовыми.

Одновременно бомбардировалась соседняя Плоская Гора. В 17 час. японская пехота атаковала Высокую и Плоскую горы. На Высокой горе атака была отбита, а на Плоской горе японцы первоначально имели успех, но затем, подоспевшими резервами были отбиты.

Гарнизон Плоской горы состоял из двух рот 5-го Вост. Сиб. стр. полка, четырех рот 27-го полка, одной сборной роты и охотничьей команды. При отбитии атак японцев много помог взвод двух батарей 4-й Вост. Сиб. стр. арт. бригады, своим огнем во фланг и в тыл японцам.

15 ноября японцы вновь открыли сильный огонь по Высокой и Плоской горам, и пошли затем на штурм. Атака была столь стремительна, что несколько человек добралось до левой вершины Высокой горы и поставили свой флаг, но были подоспевшими резервами сброшены с горы и перебиты. На этот раз на помощь были двинуты рота 7-го запасного батальона и сборная рота 3-го Вост. Сиб. стр. дивизии. Затем были посланы нестроевая рота 15-го полка и еще рота 7-го запасного батальона (89 человек). Все это поясняет острую пучку в резерве. Усиленный огонь поддерживался все время и потери в людях были значительны.

Резервы таяли и, поэтому на горы были дополнительно посланы: рота моряков и нестроевые роты 14-го и 16-го полков.

На Плоской горе дела были также неважны. Окопы были разбиты и потери велики. Туда была послана рота 27-го полка. Комендант Высокой горы донес, что разрушения большие и что много людей выбыло из строя.

В 16,30 час. японцы снова пошли на штурм и заняли часть окопов; создалось тревожное положение. Были посланы еще три роты резерва из разных частей. Эти роты лично повел в атаку генерал Третьяков. Она была столь решительной, что японцы были выбиты и окопы вновь заняты. На горе закипела работа по исправлению повреждений.

Когда японцы собрались атаковать Высокую гору, то около двух рот их собралось в параллели, хорошо видной с Плоской горы, где находились два пулемета моряков. Пулеметчики заметили скопление людей и открыли по ним меткий пулеметный огонь. Японцы при этом понесли большие потери.

Коменданство над Высокой горой принял Шт.-Капитан 5-го полка Белозеров.

16 ноября всю ночь японцы обстреливали Высокую гору и в 6,30 час. снова атаковали ее. Атака была снова отбита, причем одна колонна атакующих была разогнана огнем нашей скорострельной артиллерии. В резерв на Высокую гору были отправлены рота 15-го полка и рота моряков.

Огонь японцев был очень силен и потери и разрушения были большие.

В 16 час. собравшаяся масса японцев бросилась на штурм и проникла на самую вершину горы и поставила там свой флаг. Туда бежал Шт.-Капитан Белозеров со взводом стрелков. На Высокую гору были посланы три роты моряков, а на Плоскую гору — три госпитальные роты (в госпиталях госпитальные служители были заменены дружинниками).

Во время геройской контр-атаки Шт.-Капитан Белозеров был смертельно ранен.

Несмотря на численное превосходство японцев, они были выгнаны штыками, а флаг был сбит. Высокая гора к вечеру была очищена от японцев, благодаря мужеству стрелков и удачной стрельбе артиллерии 4 и 5 форт и скорострельных орудий 4-й Вост. Сиб. стр. арт. бригады. Одновременно японцами велась атака и на Плоскую гору, но они там были отбиты. Комендантом Высокой горы стал снова кап. Стемпневский I.

Потери среди людей были велики, т. к., ввиду частых атак японцев, их нужно было держать в стрелковых окопах, а не блиндажах.

17 ноября обстрел горы продолжался, но новые атаки были отбиты, несмотря на потери. Чувствовался большой недостаток в артиллерийских снарядах. Винтовки также часто выбывали из строя: вследствие пыли от разрывов затворы нельзя было закрыть. Большую помощь оказывали бомбочки, которые стрелки бросали в наступающих японцев. Напр. 17 ноября было брошено более семи тысяч. Бомбочки изготовлялись в портных мастерских.

С продовольствием дело обстояло плохо: нижние чины получали четверть фунта конины два раза в неделю, а остальные дни пробавлялись пустой похлебкой с хлебом.

При отбитии дневной атаки были ранены осколками 11-дюймового снаряда командир 5-го полка ген. майор Третьяков и комендант Высокой горы капитан

Стемпневский I (умер). Этот свирепый штурм продолжался 4 часа, но был отражен. Резервы были все израсходованы и поэтому с Дивизионной горы взяли часть гарнизона. В 9 час. вечера все постепенно успокоилось и на горе начались работы по исправлению повреждений и разрушений.

В 9.30 час. вечера японцы снова бросились штурмовать гору, потеснили наши слабые разрозненные части и проникли в левый редут. Создалось тяжелое положение. Подошла первая охотничья команда 5-го полка, бросилась в контр-атаку и почти сразу очистила от японцев левую вершину. Ген. Третьяков, несмотря на ранение, все время оставался на горе. Потери защитников горы были велики. Новым Комендантом Высокой горы был назначен командир 26-го полка Побилевский. Вследствие недоедания многие нижние чины болели куриной слепотой и их на ночь отпускали с горы, т. к. они все равно не могли принести пользы.

Разрушения на горе были большие, напр., из 43 блиндажей уцелело только два. Хотя главный удар японцев и был направлен на Высокую гору, но они одновременно атаквали Плоскую гору и заняли часть окопов.

Комендант горы, подполковник Будянский, собрав весь, имевшийся под руками, резерв и решительной атакой отбросил японцев.

18 и 19 ноября были более спокойными днями и этим воспользовались, чтобы установить на горе порядок. Дело в том, что у японцев в эти дни производилась смена частей, т. к. полки ходившие в атаку понесли большие потери. Комендантом горы был назначен капитан 26-го полка Веселовский.

20 ноября. Ночью была произведена небольшая вылазка с русской стороны, для выяснения сил японцев, их расположения и близости. Эта вылазка принесла большую пользу, т. к. удалось узнать, что японцы близко и в больших силах.

В 6 час. утра внезапно начался сильный обстрел горы и посыпался град снарядов. Один из снарядов упал на наблюдательный пункт и убил коменданта горы кап. Веселовского и вторично ранил ген. Третьякова.

21 ноября Высокая гора днем и ночью обстреливалась артиллерийским огнем и мелкие партии японцев постоянно тревожили защитников. Японцы отходили и стягивали свои силы.

С русской стороны на Высокую гору были отправлены 2, 3 и 4 роты 5-го полка, пополненные госпитальными служащими, и все три под командой зауряд-прапорщиков. Начальником горы был назначен в 1-ю очередь подполковник Органов и комендантом пор. Иващенко, во 2-ю очередь — подполк. пограничной стражи Бутусов и комендантом — кап. 27-го полка Солоникио.

22 ноября. С 6 часов утра японцы принялись усиленно забрасывать Высокую гору всевозможными снарядами. Видно было накопление японцев в окопах и ходах сообщения. Начальником Горы в этот день был подполковник Бутусов, а комендантом поручик

Иващенко. К 9 час. утра были затребованы резервные роты: всего четыре слабого состава. Японцы все сильнее и сильнее вели атаку на горы и, наконец, проникли в левый редут. Положение становилось очень тревожным. Начальник Горы, подполк. Бутусов, был убит, а комендант, пор. Иващенко ранен. После ранения пор. Иващенко, на Высокой Горе одно время единственным распорядителем был зауряд-прапорщик 5-го полка Абрамов. Временным комендантом горы был назначен шт.-кап. 5-го полка Сазонов, который решительно повел людей в атаку, но при этом был тяжело ушиблен камнем и потерял сознание. Стрелки, потерявшие руководителя, остановились и залегли. Положение становилось все хуже.

К 4 час. дня в роли коменданта Горы и руководителя обороны оказался инженер-механик флота Лосев, отличавшийся мужеством, но незнакомый с горой. Гора в это время защищалась шестью, сильно поредевшими ротами (около 300 штыков), а со стороны японцев наступало три полка. Постепенно японцы овладели всей горой.

Начало темнеть. Последний раз с Горы говорили по телефону в 4 часа 30 м., после чего на вызовы не отвечали. Тогда на все форты и укрепления было передано приказание открыть по Высокой горе артиллерийский огонь ровно в 6 час. вечера.

Начали собирать роты резерва для производства контр-атаки и овладения Горой. Японцы, заняв Гору, вели сильный ружейный огонь по Чайной долине и всем подступам к горе, что очень замедлило подход подкреплений.

В Чайной долине был смертельно ранен ген.-майор Церпитский, приехавший наводить порядок в тылу Горы. Постепенно стягивались роты. Всего набралось 800—1.000 человек, что было слишком мало для отобрания Горы, занятой восемью батальонами японцев.

В 5 час. 30 м. вечера ген. Кондратенко решил отменить приказ относительно обстрела горы артиллерийским огнем в 6 час. вечера. К сожалению, этот приказ не дошел до всех и в 6 час. вечера некоторые батареи открыли недружный огонь по Высокой горе.

К этому времени на Высокой горе еще держалась небольшая кучка стрелков 2-й роты 5-го полка с зауряд-прапорщиком Фоминым. Видя, что гора обстреливается своей артиллерией, они вывели заключение, что она окончательно оставлена своими и поэтому решили отступить. При этом отходе пришлось пробиваться через японскую дозорную заставу.

Собранный отряд разделили на три колонны: правая колонна должна была атаковать правую вершину, средняя седловину, а левая левую вершину. Организацией отряда и подготовкой атаки руководили ген.-майор Ирман, подполк. Органов и кап. Побилевский. Людям были розданы бомбочки.

В 6 часов вечера роты пошли в атаку, подбадриваемые ген. Ирманом. Японцы встретили атакующих жестоким огнем. Кое-где роты имели успех, но затем, потерявши начальников, залегли. В темноте ничего нельзя было разобрать. Урон же был велик.

После ряда отдельных атак, видя безнадежность положения, ген. Кондратенко, после совещания с ген. Ирманом, приказал отойти, т. к. атаковать в восемь раз сильнее противника (по английским сведениям), занявшего сильную позицию и успевшего устроиться, было бесцельно. После этого решения, ген. Кондратенко сказал:

— Ну, теперь начинается агония Порт-Артура....

Насколько велики были потери, указывает то, что 5-м полком командовал штабс-капитан. Было также решено: очистить Плоскую и Фальшивую горы, т. к., с занятием Высокой горы, они теряли свое значение, и занять позицию от 4-го форта к 5-му форту. Было приказано остаткам рот, забрав имущество, отвести на "основную позицию".

Отступление было совершенно спокойно и японцы его не заметили, так что 24 ноября они, после сплнной артиллерийской подготовки, атаковали уже оставленную Дивизионную гору.

23 ноября, уже после оставления горы, японцы взяли в плен в телефонном блиндаже инж.-механика флота Лосева, раненого подпоручика Гудкова и двух солдат.

24 ноября с Высокой горы пробрались два стрелка. Овладев горой, японцы устроили на ней наблюдательный пункт, с которого успешно корректировали

огонь 11-дюймовых орудий по флоту, стоявшему на внутреннем рейде, суда которого постепенно затонули, кроме броненосца "Севастополь", командир которого, кап. Эссен, вывел его на внешний рейд. Этот броненосец отразил ряд атак японских миноносцев с потерями для них и, наконец, сильно поврежденный, был выведен на глубину в 150 футов и там затоплен. Геройское сопротивление этого судна вызвало большое восхищение в Порт-Артуре.

Значение Высокой горы для Порт-Артура было очень велико и потеря ее имела решительное значение для дальнейшей обороны. За время боев на Высокой горе и Плоской горе там перебивало более 80 рот и команд. Число раненых и убитых с русской стороны простиралось от 5.000 до 7.000 человек. В 5-м В.-Сиб. стр. полку выбыло из строя 14 офицеров, 17 зауряд-прапорщиков и более тысячи двухсот нижних чинов. В конце боя многими ротами командовали зауряд-прапорщики.

Японцы потеряли в боях за Высокую гору около 10.000 человек.

Орденом Св. Георгия 3 ст. был награжден ген.-майор Ирман, 4-й степени: ген.-майор Третьяков, подполк. Будянский, подполк. Бутусов, шт.-кап. Белозеров, пор. Иващенко и другие.

Н. Н. Р.

КАВКАЗСКИЙ КОННО-ГОРНЫЙ

*Вступая с радостью великой
В Кавказа славные ряды,
Сольемся в их заветном клике,
"Аллаверды, Аллаверды!"*

В. Н. Рафтопулло

Кавказский Конно-Горный Артиллерийский дивизион был сформирован осенью 1911-го года и вступил в состав Кавказской Кавалерийской дивизии.

Стоянкой был назначен гор. Александрополь Эриванской губ., где были расквартированы два пехотных полка, Артиллерийская бригада и 18-й драгунский Северский Короля Датского Христиана IX полк.

На первый взгляд Александрополь казался, благодаря построенным почти из черного камня и притом с плоскими крышами домам, только что выгоревшим городом.

Однако, по узким кривым улицам степенно шествовали, отплываясь по сторонам, груженные углем верблюды, весело подпрыгивали, стараясь избавиться от поклажи, ишаки; погонщики неистово орали на своих животных и были такие же черные, как и все окружающее.

Если не считать нескольких чахлах деревьев в так называемом "сквере", растительности не было никакой.

За неимением казарм, к постройке которых только что приступили, дивизион разместили в разных частях города по обывательским квартирам.

В этой "черной" обстановке забился пульс нового Конно-Артиллерийского дивизиона.

На формирование дивизиона были назначены офицеры из разных конных батарей, с разных концов России, вплоть до Туркестана. Люди и лошади были присланы также из разных конных батарей и частично кавалерийских полков.

Началась дружная работа: обучали новобранцев, съезжали батареи, велись занятия в учебной команде и даже раздавались звуки гамм нарождающихся нештатных трубачей.

...Он подарил нас трубачами,
Наш Сербин, грозный адъютант....

Дивизионная "Звериада"

Быстро сказался наш девиз—"Возлюбим друг друга, да одномыслием исповемы": каждый офицер принес с собой частицу своей батареи, каждый солдат — слова одних и тех же песен, певшихся во всех батареях.... все принесенное жертвенно складывалось на алтарь новорожденного, чтобы он, вырастая, впитал в себя вековую единую традицию Конной Артиллерии.

Не много прошло времени с тех пор, как на улицах Александрополя появились солдаты с желтыми этикетными шнурами и литерами К. Г. на алых погонах, и вот весь гарнизон увидел на ближайшем параде новую часть в незнакомых касках с черными

гребнями, отбивавшую по-гвардейски ногу под старый Егерский марш своих трубачей.

Это был Кавказский Конно-Горный дивизион.

Новый 1912 год семья Конно-Горцев встречала в уютном собрании гостеприимных Северских драгун. Для нас, чужих еще на Кавказе, это был первый “выход в свет” и здесь открылась нам новая страница книги жизни, под заголовком: “Кавказские адаты” (обычай, традиция).

После официальных новогодних поздравлений, сопровождаемых кликами “ура” и звуками маршей, все заняли места за длинным столом. Из числа старших офицеров полка был прежде всего выбран “Тамада” — неограниченный хозяин стола.

Обязанности Тамады весьма сложны и требуют от него много такта, находчивости и остроумия. Он дает общий тон столу, следит за тем, чтобы оживление не иссякало, и в нужный момент приходит на помощь — где веселье переходит через край, он уж там. А то-сты? Нужно сохранить их последовательность и, Боже упаси, никого не забыть. Никто за столом не имеет права от себя предложить тост без разрешения Тамады — виновника ожидает штрафная азарпеша.

“Таланты” Тамады расценивались очень высоко. Наилучшим Тамадой на весь Кавказ почитался генерал Баратов.

Искрилось вино в бокалах, лилось в азарпешу...

От одного к другому в круговую переходила азарпеша и каждым глотком из нее мы приобщались к Кавказу, его заветам, славным драгунам.

...Открывается дверь в зал и тихо, на носках, позвякивая шпорами, вошли полковые песенники. Выстроились, впереди бунчуки, тулумбасы (род азиатского барабана).

По знаку старшего началось пение... Какое пение!...

В полках дивизии было принято петь лишь полковые песни, свидетельствующие о славных подвигах. Каждый эскадрон имел свою песню, воспоминание об участии в лихом деле, прославившем Кавказских драгун.

Много пелось победных песен о лихих атаках:

...И снова пашки засверкали,
И снова кровью налились...

об исполненном долге:

Майоры Кусов и Наврузов
Царю дарованный обет
Сумели доблестно исполнить,
И слава им на много лет...

Но среди ликующих бунчуков, вдруг тулумбасы возвестили горе неудачи:

...Восемнадцать из нас отступили в тот раз,
Остальные ребята побиты...
Господа позади, каждый с пулей в груди,
Отступая ребят подбодряли.

И в отступлении есть своя доблесть:

...И не даром Кавказ будет помнить о нас,
И начальство зовет молодцами...

В 1856 г. из Нижегородского драгунского полка были выделены эскадроны для образования Северского драгунского полка, с этими эскадронами ушли и песни об общих победах, и появились новые — свои.

— Когда наш Царь-Освободитель
Войну неверным объявил,
Тогда, казалось, Вседержитель
Войска на бой благословил.

Мы шли на бой, как на забаву,
Не страшны Северцам враги:
Чем больше их, тем больше славы
Мы получить тогда могли. —

Торжественно все за столом поднялись.

— Пал Ардаган, твердыня Карса,
Хоть крепость сильная была,
Но перед Русскими войсками
Она держаться не могла.

И на полях Аравартана
Арабистанские полки,
Забыв присягу из Корана,
Бежали, кто куда могли. —

Аравартан — слава Северских драгун, особо чтимый 3-го июня боевой праздник. Широкие Георгиевские ленты на штандарте — вечная память об этом дне.

Тихо, как пришли, ушли песенники, а память о их песнях живет во мне по сей день.

Тамада, давший редкое переживание своими песенниками, уже хлопочет у новой азарпешу... льется вино...

И звонкий голос, с нарочито подчеркнутым кавказским акцентом, с которым часто говорят русские на Кавказе, запевает:

— Со времен давным-давно забытых,
В преданьях Иверской земли,
От наших предков знаменитых
Одно мы слово сберегли... —

Старая песня, “Символ веры” кавказцев, в ней неписанные заповеди куначества.

...И шли мы дружно, к схваткам новым,
Не ожидая череды...

Нам каждый гость дается Богом,
Какой бы ни был он среды...
У нас, под сенью каждой хаты,
Есть уголок для кунака...

Не забыта и звонко гуляющая по рукам азар-
пеша. И несущийся до утренней зари голос Тулумба-
ша. И полная преданность Хозяину земли Русской:

...Когда же Гость — Отец Державный,
Земному Солнцу кто не рад,
Поднимутся за тост задравный,
Эльбрус, Казбек и Арарат.
И грянем дружно, всем Кавказом,
На все наречья и лады,
Единым словом, одним разом,
Аллаверды, Аллаверды.

Долго несмолкаемое “ура”... Боже Царя храни...

Наш баян кап. В. П. Рафтопулло просит слова:
— Аллаверды к Вам.

и на дружный ответ “Якшиол”, говорит — сейчас
мы, Конно-Горцы, впервые пропоем нашу “Аллавер-
ды”, в которой отразятся наши чувства.

Поднялись Конно-Горцы и на мотив только что
умолкнувшей песни пропели слова Капитана В. П.
Рафтопулло:

По воле Царской и по слову,
В числе двух конных батарей,
Явились мы собратом новым,
В семью Драгун-Богатырей.
Вступая с радостью великой
В Кавказа славные ряды,
Сольемся в их заветном клике,
“Аллаверды, Аллаверды!”

Аллаверды вам ветераны,
Герои доблестных побед,
Вы покорили эти страны
И дали лихости завет.
Вы водрузили Стяг Державный
На высях каменной гряды,
За вас мы пьем фиал задравный;
Аллаверды, Аллаверды!

Аллаверды — святое слово,
В нем братство, сила и любовь
И хоть оно для нас и ново,

Но уж волнует нашу кровь,
Нас, побратав оно в дни боя,
Ни от одной спасет беды —
Так грянем вместе громовое
Аллаверды, Аллаверды!

Приемля нас, вы в нас найдете
Родню по духу и делам,
Вы в нашей хартии прочтете
Страницы грозных врагам.
Мы крещены в боях лучами
Наполеоновской звезды,
Споем-же, братья, вместе с вами
Аллаверды, Аллаверды!

Давно известна всему миру,
От Бородинских еще сеч,
И наша лихость без завета,
И наша грозная картечь.
Любя кровавые забавы,
Своей дождавшись череды,
Не посраим мы вашей славы, —
Клянемся в том — Аллаверды!

В мечтаньях зрим мы дни такие,
Их жаждет сердце поскорей:
Гремят раскаты боевые
Кавказских конных батарей
И в бой летят Нижегородцы,
Тверцов и Северцев ряды,
И лава Сунженцев несется...
Аллаверды, Аллаверды!

Мы все подошли к Командиру полка и Капитан
Рафтопулло передал ему широкую малиновую ленту, на
которой серебром были отпечатаны слова нашей песни.

Эта песня явилась связующим звеном между нами
и Кавказом и часто пелась потом, чередуясь куплета-
ми со старой Кавказской:

“С времен давным-давно забытых”.

Сколько я знаю, из всех бывших на встрече 1912
года Конно-Горцев, кроме меня, остались всего трое...
“Аллаверды к Вам”.

Вспомните о нашем таком богатом прошлом, вос-
поминаний никто отнять не может, и в этом их цен-
ность.

“Якшиол” — “Да будет так”.

А. фон Корвин-Вирзбицкий

Отрывок из книги „Шесть лет войны“ 1914—1920

Во время отступления 1915 года в Галиции, 7-я Кавалерийская дивизия задержалась у города Пржеворска. Видимо 1-я бригада осталась перед городом, так как батареи поставили прямо в центре — на площади. Наша II-я бригада, гусары и казаки, прошли через город. Казаки остались в резерве, а нас, Белорусцев, спешили и мы заняли бугры по фронту левее шоссе, ведущего на север. Австрийская пехота продвигалась влево от нас, стараясь выйти нам в тыл. Их артиллерия была лениво, да и наша из города, редко проявляла себя; снарядов у нас к этому времени уже почти не оставалось.

Мой взводный, Максименко, еще не вернулся после ранения, и я оставался за взводного 3-го взвода 1-го эскадрона. Спешив взвод, положил людей в цепь, ведя огонь, командуя прицел, и вдруг замечаю — некоторые гусары щелкают затворами, целятся, спускают курок. Глаза открыты, но новых обойм не вкладывают, а дуют впустую, спят наяву. Вот до какой степени усталости можно дойти.

Пролежали мы в цепи часа два и австрийцы как будто задержались, по крайней мере их продвижение наперерез шоссе, в сфере нашего обстрела, прекратилось.

Вдруг нам скомандовали: “По коням”, мы побежали в лесок, где были коноводы. Команда “садись”. Мы вышли на луг правее шоссе и полк построился развернутым фронтом. Штандарт передали в четвертый эскадрон.

Видим, — верстах в двух от нас из леса выскакивает во взводной колонне кавалерия и тоже строит фронт. Дело к вечеру, солнце на них, — видно все, как на ладони. Кони вороные, рейтузы красные, венгерки синие, шапки черные. Выскочил второй полк и показывается третий, — дивизия.

Нас бригада, но зато мы — Белоруссы и 11-й Донской; против нас и дивизия австрийская выдержать не может.

Старые гусары стали брать пики у молодых и перестраиваться в 1-ю шеренгу. Молодые — рады: многие к пике не привыкли. На взводах у нас: на первом штабс-ротмистр Волков, на четвертом поручик Натензон. На втором корнет Львов и на нашем корнет Нечаев. Маленький, коренастый, большие черные усы, по прозвищу “Черномор”. Из господ — поручик Натензон тоже взял пик. Кони тоже поняли, что будет атака. Не стоят, прядают ушами, задняя шеренга прямо через переднюю на австрийков заглядывает. Вижу, — молодые гусары в задней шеренге нервничают. Думаю, — надо кое-какое унтер-офицерское наставление сказать:

— Слушайте хлопцы, — говорю: — осмотреть подпруги, попробуй шашку. Задние при ударе норовят влево от своей передней шеренги и не рубай, а коли. Под ноги все время; коней не распускай; после, как спишем, — сразу держись строя, — жди второй атаки. Держи дистанцию, не жмись и не растягивай, —

на кавалерию идём. — Бобкин, развязав, закрути троцек!

Сам у себя попробовал подпруги, подумал, чтобы оставить место Нечаеву осадить в строй. В это время команда:

— Равнение на середину, полк шагом марш!

Снял фуражку, перекрестился, и тут даже не подумал, а, вернее сказать, — почувствовал: вот, — когда-то, может быть лет сто тому назад, Белорусский полк строился для атаки. На правом фланге 3-го взвода 1-го эскадрона тоже стоял неведомый мне унтер-офицер. И так же он сказал наставление гусарам, и так же пробовал подпруги, и так же крестился, и готовился дать ответ Господу Богу. И не имеет никакого значения, если меня уже не будет, — все будет исполнено, как полагается по уставу и по призыву. Другой унтер-офицер станет на мое место и он также спокойно и уверенно осмолит людей и также без колебания исполнит свой долг.

В минуту высокого нервного напряжения, — перед конной атакой, готовясь дать ответ Господу Богу, — я инстинктивно почувствовал преемственную связь со своими предками. Связь эта не прерывалась со времени наших первых Московских войс, может быть от самой Куликовской битвы. Также приходили в войска “молодые”. Также им давали каждому “дядьку”, старого солдата, который учил их уму-разуму и солдатской службе, и солдатскому быту. Потом этот “молодой” сам становился “дядькой” и передавал своему “молодому” то же наставление. Так шли сотни лет и тот мой взводный, — запасный старший унтер-офицер Ахтырец с серьгой в ухе, и носом крючком, окающий по-нижегородски, и утиравший незаметно слезу, слушая песню, как “поехал казак на чужбину далеко”, передал это наставление мне, молодому сусару присяги 1914 года. И что с одной стороны удивительно, а с другой стороны совершенно понятно, — очень многое в этом наставлении прямо совпадало с заветами Суворова. И, конечно, и до Суворова дошли наставления в свое время и он вник в них, и они помогли ему воспитать своих солдат и выиграть чуть не сто сражений. И, пожалуй, самое ценное, что было мне сказано, всего несколько слов, но, мне кажется, эти слова следовало бы положить в основу воинского обучения всех армий мира. Вот эти слова: “Если у тебя когда-либо будет хоть один солдат под командованием, — помни, что ты отвечаешь за него перед Богом, перед начальством и перед своей совестью”.

Австрийские войска против нас тоже шли шагом и уже оставалось может быть только с версту, — казалось даже лица уже были видны. Вдруг австрийский строй сломался; запылили взводы “налево кругом” и на рысях пошли обратно в лес. Не выдержали австрийцы.

Мы также разлетелись повзводно, так как артил-

лерия противника, молчавшая некоторое время, пустила по нас несколько прапунелей, втянулись в лесок и спешились.

Тут же подошли на рысях батареи из города. Наши два эскадрона остались в прикрытии. А затем батареи и мы за ними, летели хорошим галопом по шоссе

се под артиллерийским и пулеметным обстрелом. Орудия прямо прыгали с колеса на колесо.

Потерь было немного. Убитых не помню, а ранеными человека 3, и несколько коней. У батарейцев еще в городе, на площади, был убит поручик Д.

Р. П.

Иностранные части в Русской армии

В 1707 г. сербу Апостолу Кисичу было дано право набирать из “волохских” искуснейших людей двух ротмистров, трех поручиков, трех хорунжих и 300 рядовых, для формирования “Волохской хорунчи”. В 1711 г. она была уже развернута в шесть полков, а именно: Первый и Второй полки Тонского, полк Кисича, полк Никулина, полк Киржева и полк Абазии. Все эти части носили гусарскую форму и являлись первыми, гусарскими полками в Русской армии. Они были упразднены в 1721 г.

В 1716 г. император Петр I выдал замуж свою племянницу царевну Екатерину Иоанновну, за герцога Мекленбургского Карла-Леопольда, и, в качестве личной гвардии царевны, отправил с нею в Мекленбург два русских полка.

В 1719 г. из-за политических разногласий с герцогом, по приказу Петра, не только оба русских полка были возвращены в Россию, но с ними вместе были взяты Петром и шесть мекленбургских полков, которые были расквартированы на Украине, под именем “Мекленбургского корпуса”.

В 1727 г. сербскому майору Ивану Албанцу было приказано сформировать “Сербский гусарский полк”. 24 декабря 1751 г. было “дозволено” другому сербу, полковнику австрийской службы, Хорвату, поселиться в местности за Днепром, названной “Новой Сербией”, сформировать там из сербских выходцев два полка: “Гусарский” и “Пандурский”. 11 января ему же было приказано сформировать еще два полка, а именно: “2-й Гусарский” и “2-й Пандурский”.

Между 1740 и 1763 г.г. был сформирован из молдаво-валахов “Молдаванский полк”, переименованный в 1764 г. в “Самарский”, а затем им был укомплектован вновь созданный “Бахмутский” полк.

В 1753 г. полковникам австрийской службы Шевичу и Депрерадовичу было приказано сформировать два полка сербов и черногорцев. В 1764 г. оба эти полка были расформированы и ими был укомплектован упомянутый выше “Бахмутский гусарский полк”, упраздненный в свою очередь в 1776 г. В тот же 1776 г. были сформированы полки: “Македонский” и “Далматский”, которые затем были оба слиты в 1783 г. в один “Александрийский Легко-Конный”.

В 1775 г. черногорцы, греки и албанцы, поступившие на службу в 1770 г. в Российский флот, во время экспедиции в Адриатику графа А. Г. Орлова, прибыв в Россию, составили в Керчи и Еникале “Сербско-Албанское войско”.

В 1788 г. генерал-поручик Иван Александрович Заборовский получил приказ отправиться в Тоскану

и там приложить “все старания, дабы собрать всех корсиканцев, принимавших участие в восстании ген. Паоли против Франции на Корсике и служивших затем на английской службе, и, составив из них корпус, послать его в Сиракузу, к флоту “капитану бригадирского ранга Псаро”. По ордеру адмирала Грейга, для этой цели Заборовскому было выдано 2.400 червонцев. В своем докладе Императрице Заборовский писал, что ему удалось взять на русскую службу всего 70 человек корсиканцев, от которых после кампании в Архипелаге, по докладу контр-адмирала Грейга от 2 ноября 1789 г., осталось 50 человек, при трех капитанах, одном поручике и трех прапорщиках, а также 10 человек, “принятых в чине прапорщиков и носящих офицерский мундир”. Одним из этих офицеров был известный Анжело Франчески, сподвижник Паоли, сражавшийся с французами в 1769 г. за свободу Корсики.

26 июня 1797 г. был сформирован “Польский конный полк”, принявший в 1796 г. наименование “Польского генерала-майора Домбровского” полка, а затем в 1799 г. “Полка генерал-майора Гатиева”, и, наконец, в 1801 г. “Польского конного”, который был расформирован в 1833 г.

В 1799 г. 30 декабря, по приглашению императора Павла, через министра иностранных дел, князя Горчакова, корпус французских эмигрантов принца Кондэ прибыл в Россию, и принял присягу на верность императору. На русской службе французы сохранили целостность и единство своих частей и командования, но получили русское обмундирование. Одновременно с этим полки Кондэ получили знамена с Российским двуглавым орлом, но с лилиями Бурбонов на четырех углах. Корпус, состоявший из 7.000 сабель и штыков, был расквартирован в Польше, а именно: штаб, во главе с принцем Кондэ, стал в Дубно, в замке князя Любомирского; полк Бурбонов и драгуны герцога Энгиенского — в Луцке, немецкий полк князя Людовика Гогенлоэ в Ковеле; полк принца Кондэ — во Владимире Волынском и, наконец, кавалерийский полк герцога де-Бари в Дукачах. Французы после этого в июле 1799 г. присоединились в Австрии к корпусу генерала Римского-Корсакова и, участвовали в сражении при Констанцком озере. После выхода России из европейской коалиции против Наполеона, корпус Кондэ, приказом императора Павла от 1-го января 1800 г. был исключен из списков Русской армии.

23-го апреля 1807 г. из поляков был сформирован “Конно-Волынский полк”, переименованный затем в

“Уланский Волынский”, организованный на “рыцарских началах”, т. е. дворяне в нем служили офицерами или “товарищами”, которые, хотя и были на солдатской вакансии, но на привелегированном положении. “Товарищи” были вооружены пиками и составляли в развернутом строю переднюю шеренгу, как на парадах, так и в бою.

В 1812 г. в городе Орле были сформированы из пленных французов, итальянцев и голландцев, особые легионы, вступившие на русскую службу. О формировании легионов, прототипом которых послужили русско-немецкие легионы, дан был Высочайший рескрипт, на имя князя М. И. Голенищева-Кутузова 8-го ноября 1812 г. Губернские власти из разных городов России выслали в Орел, пожелавших вступить на службу военнопленных из прирочных французов, итальянцев и голландцев. Во главе формирования был поставлен генерал-майор барон Гернсдорф, в помощь же ему были командированы ген.-майоры: граф Сиверс, Ангельгард и Удом. В составе легионов было 29 офицеров, 38 унтер-офицеров, 9 музыкантов, 292 рядовых и 4 нестроевых чина. Из пленных сформировали три роты, которые были двинуты на Витебск и поступили в состав русской резервной армии. Многие из этих легионеров после войны навсегда остались в России. Об этом оригинальном и мало известном формировании 29 марта 1912 г. был прочитан доклад В. Апухтиным в Орловском отделе “Императорского Военно-Исторического Общества”, на основании найденных в орловском архиве документов, а затем был напечатан в журнале общества.

В 1914 г., после опубликования Верховным Главнокомандующим Великим Князем Николаем Николаевичем известной декларации о будущем предоставлении автономии Польше после войны, польский национальный комитет издал сообщение, в котором говорилось о приказе по юго-западному фронту о формировании в гор. Ново-Александрии организации дружин ополчения из поляков, со включением в русскую регулярную армию и принятием их на содержание государства. За дружинами было признано право пользования польской командой и обеспечены им все роды оружия.

включая артиллерию. Легионы, составленные из этих дружин, должны были поступить под командование офицеров-поляков, назначенных из армии. Польский, национальный комитет, поддерживавший организацию легионов, в виду их значения для национального польского дела, вошел в соглашение с военными властями, с целью создания организационного комитета польских легионеров. Состав комитета был следующий: председатель, с титулом начальника организаций польских легионеров — генерал от инфантерии Свидзинский; члены: генерал-майоры: Стемпковский Шиманский, Балицкий, граф Броэль-Плятер, Садзевич и, начальник управления организаций — подполковник Горчинский.

После февральской революции 13 июля 1917 года генерал-лейтенант Иосиф Романович Довбор-Мусницкий, бывший командир 38-го армейского корпуса принял в командование все польские легионы, сведенные в польский корпус, который в следующем году, по соглашению с немцами, был демобилизован.

В 1918 г. генерал Довбор-Мусницкий был назначен Главнокомандующим Великопольскими войсками, и, положил начало армии независимой Польши.

В октябре 1915 г. в Россию, из Бельгии был отправлен бронированный дивизион автомобилей, прибывший через Архангельск на Галицийский фронт, под командованием майора Колон. После смотра его Государем, в декабре 1915 г., в Царском Селе, дивизион был отправлен на Галицийский фронт, где майора Колона сменил майор Семз, приняв участие во всех боях здесь. После большевизской революции положение дивизиона стало трагическим и, он, пройдя многие мытарства, в конце концов, вернулся на родину, сохранив свое знамя, через Сибирь, Владивосток, Сан-Франциско и Нью-Йорк, совершив таким образом кругосветное путешествие.

Помимо бельгийцев, на русском фронте, во время войны 1914—1917 г.г. участвовал также отряд броневых английских машин с английским персоналом, но, к сожалению, мне не удалось получить о нем сведений.

Анатолий Марков

„АРМЯНСКИЙ ГЕНЕРАЛ“

(К воспоминаниям полковника Фурмана)

В первый год моего пребывания в Елизаветградском Юнкерском училище, мне пришлось встретиться с Меликом Гурдиевым при следующих обстоятельствах. Проходя по зале Училища, увидел небольшую группу юнкеров, окружавших одного юнкера с малиновыми погонами с серебром и № 46 из Кавказской дивизии. Раздавался веселый смех и разные восклицания. Подойдя ближе, я увидел юнкера с короткими ногами и длинным туловищем, с четырехугольным лицом, длинным мясистым носом, почти достигающим до нижней губы, с низким отлогим лбом, с головой, укреплённой на толстой шее, причем голова была почти

без затылка, и шла наискось кверху, как говорят, была “клином”. Глаза его были маленькие, темно-коричневые и глубоко спрятанные под густыми черными бровями, нижняя часть лица темно-синеватого цвета от выбритой черной бороды. Первые слова, которые я услышал, были:

— Ты, Мелик, умный?

— Нет, я не умный.

— Ну, что же, ты дурак?

— Нет, я не дурак.

— Кто же ты?

Прищурив хитро глаза под густыми бровями, он отвечал:

— Я полво умный.

Это вызвало дружный громкий смех и сочувственные возгласы:

— Верно, верно, — ты действительно, немного полуумный.

Потом не раз приходилось слышать эти вопросы, задаваемые Мелику, и слышать его ответы юнкерам старшего класса, вызывающие смех и веселое настроение.

У нас не было названия “Корнет”, т. к. до корнетов было далеко и выпускали нас Эстандарт-Юнкерами; мы не получали жалованья и никаких денег, а существовали на “собственный счет”, и, как говорилось, “без расходов от казны”; носили офицерскую кокарду, офицерский темляк и даже кант на рейтузах не полагался, и мы его носили по “вольности дворянской”, и громадный угол на левом рукаве; почти доходящий до погона, из такого широкого галуна и малым просветом на погонах, что можно было принять за погоны вахмистерские.

В старшем классе мне пришлось быть в одном отделении с Меликовым, т. к. Кавказская дивизия была в 1-м эскадроне Радкевича. Тактику преподавал Ген.-Штаба полковник Зандер, он был типичный немец, аккуратный, выдержанный, спокойный, корректный и терпеливый с юнкерами. Объясняя свой предмет, он стал предлагать Мелику повторить, что он усвоил из его объяснений. Эти повторения столь были живы и веселы, что к нам набивалось много юнкеров из других классов и сидели уже по трое вместо двух на скамейке, отчасти скрываясь от своих преподавателей, и больше послушать повторения Мелика.

Он, рассказывая о фуражировках, путал слова и со своим кавказским акцентом уверял, что производят “Инквизиции” вместо “Реквизиции”, что вызывало дружный смех юнкеров, и старательное, и подробное объяснение полк. Зандера разницы между “Инквизицией” — “Реквизицией”, причем говорилось, что первая была в Испании, и сжигались еретики на кострах, а теперь это не применяется, а “Реквизиция” производится во время войны и это взятие силой фуража и продуктов или за деньги, или за квитанции, по которым можно получить деньги в отдаленном будущем.

Однажды, объясняя нам о сторожевом охранении, полк. Зандер начертил на доске три дороги, похожие на куриную лапу, в соединении их поставил главный караул, а на трех пальцах поставил по заставе, от каждой выставил сторожевые посты и предложил зачертить в тетради, как схему.

В следующий раз он принес “трехверстки” и “восковки” и, предусмотрительно, раздав каждому юнкеру разные карты, предложил расставить на восковках сторожевое охранение фронтом на север указанных деревень, обозначив дороги и местные предметы. Таким образом нельзя было воспользоваться помощью и советом ни справа, ни слева, ни спереди, ни сзади, т. к. у всех были разные задачи и надо было их решать каждому самому. Все углубились в решение своей задачи, и вдруг Мелик встает первым

и несет свою задачу к полк. Зандеру, тот кладет ее вместе с трехверсткой на свой стол. Только к концу урока стали подавать остальные. Многие юнкера окружили Мелика и спрашивали, как это он так быстро решил задачу, на что тот, хитро улыбаясь, говорил, что он очень хорошо решил и надеется получить хорошую отметку.

Через некоторое время пришел полк. Зандер с трехверстками, стал вызывать юнкеров, объяснять ошибки и показывать, как было бы лучше расставить охранение. Когда все задачи были рассмотрены и были выставлены баллы, полк. Зандер обратился к Мелику Гурджиеву и сказал:

— Я вашу восковку прикладывал к трехверстке около полутора часа, и она никуда не приходилась; пожалуйста сюда и приложите ее сами, и я, наконец, узнаю, как ее надо приложить?

Мелик подошел к столу, попробовал приложить, но увидел, что это бесполезно и откровенно сознался, сказав:

— Я, господин полковник, совсем не прикладывал к трехверстке.

— Куда же вы ее все-таки прикладывали?

— Я ее прикладывал к схеме, что вы чертили на доске.

Тогда невозмутимый немец возмущился до того, что схватил перо, и поставил большой “О” на его восковку, кажется, сломал перо, и на восковке была видна большая клякса, вероятно, жалея потерянные полтора часа времени и что он не разгадал, так просто решавшуюся загадку.

Окончивши училище, мы поехали по полкам, а Мелик остался на второй год в старшем классе и получил почетное звание “Майора” и, вероятно, поэтому не поехал в свой полк, не желая ехать юнкером и демонстрировать свою неудачу. Вот почему он и производил столь сильное впечатление на прибывающих гимназистов, кадет и другую молодежь.

Проходя вторично курс старшего класса, ему удалось окончить по I разряду, вероятно, благодаря своей популярности среди преподавателей училища. Таким образом он получил возможность быть произведенным по всей кавалерии. Благодаря счастливому случаю, он был произведен в Корнеты драгунского полка, стоявшего в Средней России. Там с ним произошел смешной случай. На своей новой квартире, которую он устраивал, его однополчане застали Мелика стоящим посреди комнаты со щеткой в руках и тыкающим в потолок.

— Что ты делаешь, Мелик?

— Да вот, ищу середину, куда хочу повесить красивый фонарь.

— Да что ж тут искать, возьми две “диагонали”, и, где они пересекутся, тут и будет середина.

— Ах, душа мой, а где их купить, и что они будут стоять?

Молодые корнеты с хохотом постарались ему объяснить, что покупать ничего не надо и что стоять они ничего не будут.

Собираясь на большой бал в Дворянском Собра-

нии, Мелик постарался навести на себя красоту, поналег на фиксаж, пудру и духи, и израсходовал почти пол-пузырька духов. На балу он подошел к одной барышне, которая ему нравилась. Та, увидавши его напудренным и сильно надутым, сказала:

— Да, вы, Мелик, “Кокет”!..

На что обозленный Мелик ответил:

— Если я Кокет, то ви “Кокотка”.

Барышня, конечно, ударилась в слезы, произошел некоторый переполох, распорядители и офицеры полка старались успокоить барышню, уверяя ее, что Мелик не хотел ее оскорбить и обидеть, и что он плохо разбирается не только в иностранных словах, но даже в русских. Барышня уехала с бала, и пришлось старшим офицерам полка ехать к ее семье, и извиняться за неприятный случай.

После этого несколько молодых корнетов пришли к Мелику, и полушутя, полусерьезно, повалили его на турецкий диван и, при помощи стоек, старались ему разъяснить разницу между словами “кокотка” и “кокотка”, что до некоторой степени им удалось.

При первом удобном случае он перебрался в Кавказский запасной дивизион, стоявший в г. Армавире, и там среди своих однодивизионников мирно пребывал до ротмистерского чина, и, когда на смотре Генерал-Инспектора Ремонтов и Запасной Кавалерии Генерал-лейтенанта Винтулова, спросившего его, где у него записаны недостатки лошадей, Мелик стукнул себя по лбу рукой, и сказал:

— Все недостатки у меня тут!..

Нп генерал, и никто из присутствовавших этого не оспаривал.

Когда мода на самоопределение до самоотделения дошла до Армавира, то, несмотря на то, что великий гений и отец народов Сталин, ничего не имел против самоопределения, а самоотделение не одобрил, Мелик все-таки самоопределился и самоотделился, и перебрался в Армянскую республику, где, как говорили, сделавшись армянским генералом.

С. Моск.

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ“

ИЗ СМОТРОВ ГЕНЕРАЛА ДРАГОМИРОВА

О генерале Михаиле Ивановиче Драгомирове ходило много рассказов, не мало из них — придуманных. Так и сообщаемый мною эпизод может показаться анекдотичным, но мне его рассказал генерал М. Д. Нечволодов, когда-то командовавший батальоном в 129 пехотном Бессарабском полку.

Так вот, генерал Драгомиров производил смотр новобранцев в этом полку. Нужно отметить, что М. И. Драгомиров имел своего “конька” — Устав караульной службы, знание которого он требовал, как говорится, “на зубок”.

Один новобранец, обратил внимание генерала своим веселым видом.

— Какой ты губернии? — спросил Драгомиров.

— Хвалиться не буду — Витебской! — был бойкий ответ.

— Вижу, что ты молодчина и Устав, ты, наверное, знаешь? Скажи, — умереть я могу?

— Так точно, Ваше Высочайшее превосходительство, можете.

— Ну вот — я умер. Гроб внесли в церковь и оставили там на ночь открытым, а тебя поставили часовым. Ты остался один и, вдруг, среди ночи, я поднимаюсь из гроба... Что ты будешь делать?

— Так что, прикладом по голове, чтобы легли обротно.

— И тебе не жаль меня будет?

— Так точно, — жалко, но в Уставе сказано — в каком виде я принял пост, в таком должен и сдать. Принял Ваше Высочайшее превосходительство лежачим — лежачим обязан и сдать.

М. И. Драгомиров пришел в восторг от находчивости молодого солдата.

А. Л.

ПОЛКОВНИК МОСИН

В собрании Обще-Кадетского Объединения, на стене, среди прочих, висит фотография. На ней изображены три полковника-академика, с ясно видимыми академическими значками. Средний из них, держит наперевес, в левой руке, нашу Русскую трехлинейную винтовку, с открытым затвором и примкнутым штыком, а в правой — обойму с пятью патронами, еще с тупыми пулями. Он как бы готовится опустить обойму в затворную коробку. Внизу фотографии, написаны фамилии всех трех полковников. Средний из них, держащий винтовку — полковник Мосин.

И вспоминаю я 75-летний юбилей нашего, в то время, Михайловского Воронежского кадетского корпуса. Было это, вероятно, в 1897 году, когда я был еще в пятом классе.

На торжестве, в большом актовом зале, перед строем всех четырех рот корпуса, в присутствии всех служащих, преподавателей и большого числа бывших кадет, разных возрастов (некоторые старики в давно несуществующих военных формах), появился наш бывший кадет полковник Мосин — конструктор Русской трехлинейной винтовки. К этому празднеству, он поднес в дар родному корпусу винтовку своей конструкции. Она помещалась в красивом полированном ящике, на крышке которого помещалась медная дощечка с выгравированной на ней дарственной надписью.

Эта винтовка, в своем ящике, хранилась всегда в одном из книжных шкафов фундаментальной библиотеки, находившейся в правой стороне актового зала.

А. Лазорин

В тот год осенние войсковые маневры затянулись очень надолго. Ими руководил сам Командующий Киевским военным округом генерал Иванов. Начинались они с маневров незначительных частей; но, постепенно продвигаясь с востока на запад, они сливались одна с другой и образовывали все более и более крупные войсковые единицы. В конечном результате маневры должны были закончиться столкновением одного армейского корпуса с другим.

Этот маневр застал одну из батарей Н-ой Артиллерийской Бригады на дневке, в глухом углу Гадячского уезда, Полтавской губернии. Батарейная офицерская столовая поместилась в чистой комнате, в домике одного обывателя, предоставившего для столовой и свою кухню. Невелик был и состав г.г. офицеров: старый, солидный командир батареи и два-три офицера. Кроме того для довольствия к ним присоединился командир Бригады, молодой генерал, и его адъютант.

Отдых и хорошая погода обеспечили общее веселое настроение, оно еще больше улучшилось, когда заведующий столовой, перед завтраком, заявил:

— Господа, после завтрака Вас ожидает сюрприз.

И действительно, после, обычно хорошего завтрака, были поданы отличные арбузы.

— А вы знаете, господа, — сказал генерал, — я читал в газетах, что теперь есть признаки холерных заболеваний, а в этом случае дыни менее вредны, чем арбузы.

На это командир батареи, знавший, что генерал предпочитает коньяк всем другим напиткам, заметил:

— А вы знаете, Ваше Превосходительство, если приправить арбуз рюмкою коньяка, то получится совершенная дыня!

— Неужели? — с удивленным лицом, сказал генерал.

— Петр Петрович, — обратился он к заведующему столовой, — а у вас есть коньяк?

Коньяк нашелся, и генерал был успокоен в своей холеро-боязни.

На другой день вестовые разыскали дыни, и они были поданы к столу; но коньяка не было. На что генерал заметил:

— Ну, уж, если арбузы с коньяком никому не повредили, то дыни с коньяком могут быть только полезны.

— Ваше Превосходительство, — ответил заведующий столовой, — я совершенно согласен с Вашим мнением, и потому приготовил бутылочку коньяка, чтобы можно было покушать дыню с пользою.

И с этими словами поставил на стол бутылку великолепного коньяка Мартель, марки Экстра, с белою, литографированной этикеткой.

И с этого дня бутылочка коньяка не сходила со стола офицерской столовой... то ли для перевоплощения арбуза в дыню, или для возможности кушать дыню с пользою.

А. Лазорин

В С. Петербурге в Пушкинскую эпоху жило много оригинальных и замечательных людей:

Вот на Миллионной — особняк с изящной внутренней отделкой, принадлежащий азамечательной женщине Кн. Е. И. Голицыной. Своей красотой она напоминала древнее греческое изваяние. В ее салоне собиралось немногочисленное, но избранное общество. Называли ее салон храминой, тем более, что "Princesse Nocturne" (собрания у нее происходили ночью), нельзя было признать обыкновенной светской барыней, Это была жрица какого-то высокого, чистого служения.

Неподалеку от ее дома, в Мошковом переулке, жил преоригинальный человек Кн. В. Ф. Одоевский. Литератор, химик, музыкант, чернокнижник — он путался в хаосе разнообразных познаний. Его одевание, остроконечный колпак на голове, делали его похожим на алхимика. Человек бесконечной доброты, он делал все зависящее от него для вступавших на литературное поприще.

Князь пользовался дружеским расположением Вел. Кн. Елены Павловны. У него можно было встретить А. С. Пушкина, Жуковского, П. А. Вяземского, графиню Лаваль, старую Княгиню Н. П. Голицыну (Пиковую Даму) и другую Голицыну. "Princesse Nocturne" посещала Одоевского и Н. Н. Пушкина — первая красавица того времени.

Ни у кого не было таких фантастических обедов, как у него: пулярда начиненная бузиной или ромашкой, соуса перегонялись в химической реторте...

Другая, необыкновенная по разнообразию своих знаний и талантов, личность гр. М. Ю. Виельгорский, имел роскошный дом на Михайловской площади. Шутки называли его "гениальным диллетантом". Берлиоз определил его дом, как настоящий храм изящных искусств. Среди слабостей графа нужно отметить: любовь к гастрономии и венгерскому вину. Однажды за ужином у Императрицы Александры Федоровны, он, после особого внимания, оказанного им венгерскому вину, встал из-за стола, покачнулся и остался на четвереньках. Когда Государь Николай I спросил, что с ним, граф, подымаясь с полу, спокойно ответил:

"Mais rien du tout, Sire, je ramassais une épingle".

Гр. Г. А. Строганов, после назначения в Государственный Совет, поселился в доме графини Н. П. Строгановой на углу Невского и Михайловской. Он недолго прослужил на военной службе, а затем сделал блестящую дипломатическую карьеру. В молодости, он отличался красотой и слава об его любовных подвигах была настолько велика, что Байрон — увековечил его имя в своем "Дон-Жуане":

...За что же этот срам?

Граф Строганов писал мне ряд посланий,

Осталась я глуха к его мольбам...

говорит Донна Джулия, вменяя это себе в особую заслугу.

Последней владелицей дома, где проживал Суворовский генерал гр. М. А. Милорадович, на углу Невского и Морской, была белокурая красавица М. Ф. Калержи, ученица Шопена, дружившая с Листом, Рубинштейном, Венявским, Виардо-Гарсна. Ее любили Мериэ, Теофиль Готье. Гейне воспел ее в "Romanzero". Художник Каульбах называл ее вдохновитель-

ницей его лучших созданий. В ее салоне Вяземский познакомился с Стендаль.

Когда до Листа дошла весть об ее кончине, он дал в Веймаре в ее память грандиозный концерт. Лист, вспоминая ее игру, сказал, что это была не игра, но единственное в своем роде воссоздание творчества.

Сообщил А. Л.

П О Ч Т О В Ы Й я щ и к

В статье "Ординарческая служба при Великом Князе Николае Николаевиче" ("Военная Быль" № 26) А. Левицкий пишет:

"В первую мировую войну я знаю примеры атаки нашей конницы на пехоту: Ахтырские гусары, в бою под Дембио, при активной поддержке огня Туркестанской Конно - Горной батареи..."

Туркестанская конно-горная батарея полковника Багалдина, равно, как и 4-я Донская казачья батарея, несомненно оказали поддержку своим огнем атаке Ахтырских гусар, но главную и решительную поддержку атаке оказала, выехавшая на открытую позицию 5-я Донская казачья батарея полковника Седова, который за это дело и был награжден Георгиевским оружием. Это подтверждает выписка из Высочайшего Приказа о награждении:

"Командиру 5-й Донской Казачьей батареи, Войсковому Старшине Илье Седову за то, что в бою 29 августа 1914 года, при д. Демния, вывел батарею на открытую позицию, на расстояние около 300—400 сажен от наступающей пехоты неприятеля, и, находясь под действительным ружейным и артиллерийским огнем, способствовал своей самоотверженностью, мужеством, спокойствием и решительной командой, атаке нашей кавалерии".

Е. Ковалев

И. Ф. РУБЕЦ—Обстоятельный труд Г. Соловейчика появился по английски перед последней войной. В 40-х годах, его напечатало по-французски большое парижское издательство (забыл какое) и я его читал. "Ори-

гинальному полку" посвящено несколько страниц. Им командовал Беркович. В Отечественную войну он (полк) присоединился к Наполеону. Вообще эта книга заслуживает отзыва для "Военной Были", но его должен дать специалист. Соловейчик талантливый журналист и, работая на основе английских архивов, дает много, нам Русским, неизвестного. Перед Потемкиным он преклоняется. Екатерину II рисует именно ВЕЛИКОЙ.

П. Калинин

В РЕДАКЦИЮ. — Дорогой кадет. С глубоким волнением читаю, перечитываю, в своем глухом углу, сборники выпестованной тобою "Были". Чудится шелест седых знамен, родные полки, истомленные безмерными переходами по липкой грязи осеннего бездорожья, разворачивают боевые порядки и движутся твердо, ценой, вперед к победе, а то и, просто, чтобы принять молчаливо раннюю смерть.

Поля Галиции, Мазурские озера, дубравы Волыни, снежные кряжи Карпат: — всюду, быльем поросшие, давно безвестные бугры-могилы наших боевых сверстников.

Встают перед взором заветы нашей кадетской юности: "сам погибай, а друга выручай", "один за всех, а все за одного", а разве это не красота — наказ Славной Школы, что запечатлен на наших выпускных перстнях, и, понятно, в наших сердцах: "И были вечными друзьями Солдат, Корнет и Генерал".

Хорошо, что "Быль" твоя претворилась в ценное хранилище-память о щедро пролитой крови Российских Армий. Думаю, что нам, старцам, суждено, в этом направлении многое сделать. Если бы до них дошло, юные воспитанники советских военных школ с интересом и вниманием внимали бы повести о том, чем жили, как служили и умирали за нашу Мать-Отчизну былые поколения — их деды и отцы.

Старый Гусар

Extrait Orchitique Kalefluid

Экстракт из жизнетворных желез животных рекомендуется принимать в случаях: общей слабости, нервной депрессии, переутомления, артритических и старческих недомоганий, астении, ослабления памяти, бессонницы и в некоторых случаях повышенного давления. Женщинам, кроме указанных случаев, при недомоганиях переходного возраста.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ!

Для экспорта и для получения проспекта на русском языке, пишите:

Laboratoire B. KALEFLUID, 66, Bd. Exelmans, Paris (16^e). V. P. 21.331. BELGIQUE: Pharmacie Fridman, 54, rue de l'Aqueduc, Bruxelles (St.-Gilles). AUSTRALIE: V. Miller, 35, Balmoral Str. Blacktown N. S. W. ALLEMAGNE: Goloschtschapoff, 14 a Ludwigsburg. Richard Wagner Str. 11.

Поступила в продажу в Париже книга
Георгия ИШЕВСКОГО.

„Ч Е С Т Ь“

Изд. Обще-Кадетского Объединения.
Литературное описание жизни Симбирского кадетского корпуса и воспитания Русской военной молодежи в Императорской России.
Продается в конторе «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и во всех Русских книжных магазинах.
Цена книги — 600 фр.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1958 ГОД НА БОЛЬШОЙ ВОЕННЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„Военная Быль“

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Седьмой год издания. Выходит ШЕСТЬ раз в год.

В 1957 году, в журнале были помещены произведения: Г. Алеева, Бориса Арского, Г. Аустринна, Д. А., А. Балашева, Л. Беляева, В. Богуславского, А. В. Боршова (†), П. Ф. Волошина, Ив. Волхонского, Владикавказца, А. Геринга, Д. Де-Витт, И. Заборовского (†), М. Зайцева (†), Б. П. Казмичева, В. Каменского, Е. Ковалева, А. фон-Корвин-Вирзбицкого, князя Н. В. Кудашева, А. К., А. А. Лампе, А. А. Левицкого, К. Леймана, Анатолия Маркова, Г. Месняева, С. Мжр, Кирилла фон-Морр, Н. М., Б. А. Николаева, В. П. Орлова-Диаборского, А. Потапова, Р. П., Владимира фон-Рихтер, И. Ф. Рубец, Н. Н. Р., Ивана Сагацкого, Л. Сейфулина, Симоновича, Я. Смирнова, Старого гусара, Г. Танутрова (Жука), А. Тучкова, Вл. Третьякова, Г. Усарова, Вл. Хороманского, Бориса фон-Царевского и А. Черно морцева.

Подписка принимается по адресу Редакции, а также у всех Представителей журнала.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА, С ПЕРЕСЫЛКОЙ НА ГОД:

Во Франции и колониях — 1100 фр., в Англии и Австралии — 25 шил., в С.А.С.Ш. и Канаде —
4 дол. 50 центов.

Отдельные №№, соответственно: 200 фр., 2 гер. марки, 5 анг. шил. и 80 америк. центов.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1958 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНУЮ
ВОЕННО-НАЦИОНАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„Вестник“

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Восьмой год издания.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ:

61, рю Шардон-Лагаш, Париж (16), а также у всех Представителей «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и
«ВЕСТНИКА».

Подписная цена с пересылкой на год:

700 фр. фр., в странах заокеанских — 2 дол. 40 цен.

В газете — постоянные отделы: В поработенной России, Кадетская жизнь, Нам пишут и друг.